

Оглавление

- Алияришорехдели М. Особенности пассивных конструкций в русском языке в сопоставлении с персидским языком
- Биккулова О.С. Деепричастие и субъект модуса
- Боряева Л.М. К вопросу о соотношении элементов «вверной» и «линейной» моделей простого предложения в современном синтаксисе
- Вилинбахова Е.Л. Синтаксические модели репрезентации стереотипов (на материале русского языка)
- Заруднева А.И. Морфологические особенности текстов Интернет-рекламы
- Земцовская Я.В. Функционально-семантические особенности глагола «превратиться» в позиции связки именного сказуемого
- Зорин Р.А. Семантика имени как условие выбора формы творительного падежа в «стихийных» конструкциях: на материале имен класса «предметы вооружения»
- Иващенко А.В. Функционирование неопределенно-личных предложений в газетно-публицистических текстах
- Капицкий М.С. Графическое изображение аспектуальных значений и концепция акциональных гнезд
- Кашперко Е.А. Дискурсивные единицы *в то же время* и *вместе с тем* как средство воплощения стилистического приема парадокса
- Ковалева О.Н. Когнитивный анализ бытийных высказываний в речи детей с синдромом Дауна
- Колесникова Ю.С. Присоединение как объект коммуникативного синтаксиса
- Кузнецова С.М. К проблеме соотношения вводных слов на -но и модальных частиц
- Мамечков С.Г. Семантика субстантивной формы среднего рода в контексте функциональной грамматики
- Моаззен З.З. Изучение соотношения пространственных предлогов и приставок как методическая проблема преподавания русского языка как иностранного в персидскоговорящей аудитории
- Палоши И. Опыт семантического анализа глаголов с формантом раз-...-ся
- Панфилова Е.В. Синтаксическая организация рекламных слоганов
- Позднякова А.А. Синтаксические дискуссии начала XX века
- Романова Т.Д. Модусный и диктумный аспекты категории оценочности (на материале произведений М.Ю. Лермонтова)
- Смирнова О.И. Особенности функционирования сочетаний «девербатив + существительное в Тв.п. с предлогом С» в русском языке
- Столярова В.В. Понятие *мир говорящего* и частицы *тут* и *там*
- Теряхина Е.Н. Экспериментальное исследование иконичности бинарных сочинительных конструкций
- Фотина Н.Э. Морфологические особенности текстов наружной рекламы (на материале рекламы на зданиях и улицах Волгограда)
- Хищенко М.А. Соотношение оптативной и вероятностной модальностей модификаций частицы «бы»

Особенности пассивных конструкций в русском языке в сопоставлении с персидским языком

Алияришорехдели Махбубех

Аспирант Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

В русском и персидском языках категория залога – это морфологическая интерпретационная категория, выражающая разное представление одной и той же ситуации: 1) как активное действие субъекта, направленное на объект (действительный залог): *Известная московская строительная фирма перестраивает это здание* – *Šerkate* (фирма) *marufe* (известная) *sāxtemāni* (строительная) *mosko* (московская) *in* (это – указат. местоим.) *banā* (здание) *rā* (послелог – показатель прямого дополнения) *bāzsāzi mikonad* (перестраивает – форма настоящего-будущего времени); 2) как состояние или процесс изменения (создания) объекта в результате данного действия (страдательный залог): *Это здание было перестроено / перестраивается известной московской строительной фирмой* – *In* (это – указат. мест.) *banā* (здание) *be daste* (посредством – предлог) *šerkate* (фирма) *marufe* (известная) *sāxtemāni* (строительная), *mosko* (московская) *bāzsāzi mišavad* (перестраивается – служебный глагол + форма настоящего – будущего времени) / *bāzsāzi šod* (было перестроено – служебный глагол страдательного залога + форма простого прошедшего времени).

При помощи залоговых форм в обоих языках говорящий может выразить коммуникативную значимость субъекта или объекта: в конструкциях действительного залога (активных конструкциях) субъект занимает позицию подлежащего, в конструкциях страдательного залога (пассивных конструкциях) эту позицию занимает объект.

В персидском языке пассивный залог образуется при помощи единой аналитической формы: причастия прошедшего времени основного глагола и соответствующей временной формы вспомогательного глагола *šodan* (или *gardidan* и *gaštan*). Например: *saxtan* (строить – построить, форма действительного залога), *saxte šodan* (строиться – быть построенным, форма страдательного залога).

Русский залог обладает рядом типологических особенностей: в русском языке нет единой морфологической формы страдательного залога, форма зависит от вида глагола. От глаголов несовершенного вида образуются пассивные формы прибавлением словоизменительного постфикса *-ся / -сь*: *Здание уже строится / тогда еще строилось*. От глаголов совершенного вида образуются пассивные конструкции аналитического типа с кратким страдательным причастием: *Это здание было построено за два года*.

Сложности изучения страдательного залога в русском языке связаны в частности со следующими факторами:

1) Возвратная форма страдательного залога от глаголов несовершенного вида активно взаимодействует с различными группами возвратных глаголов, поэтому границы форм страдательного залога в разных работах понимаются по-разному. Дискуссионным также является вопрос о статусе возвратных пассивных форм глаголов совершенного вида (типа *Все отилицуется, подкрасится – и будет хорошо*).

2) Аналитическая конструкция со страдательным причастием многозначна. Она может иметь значение а) пассива: *Деревня было покинута жителями сразу после взрыва*; б) результата – состояние как результат предшествующего действия: *Магазин открыт целый день*; в) статива (псевдорезультатива) – состояние не является результатом предшествующего действия: *Деревня со всех сторон окружена горами*. На персидский язык последние три предложения переводятся при помощи разных форм.

В докладе сопоставляются пассивные конструкции двух языков и анализируются особенности взаимодействия залога и вида в русском языке.

Деепричастие и субъект модуса

Биккулова Ольга Сергеевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова Москва,
Россия

После статьи Р.О. Якобсона о шифтерах [Якобсон] деепричастие рассматривается в рамках теории таксиса и интерпретируется как нешифтерная категория, т. е. выражающая отношение одновременности/разновременности вне связи с ситуацией речи. Это означает, что категория субъекта не включается в проблематику таксиса.

С другой стороны, деепричастие широко обсуждается в связи с проблемой нормы и правилом односубъектности. Несмотря на грамматические предписания, говорящие и пишущие продолжают нарушать это правило и порождать речевые ошибки.

Правило односубъектности не работает для целого ряда деепричастных конструкций и деепричастий в определенных позициях. Эти деепричастия интерпретируются либо как производные предлоги (*судя по, включая / исключая, начиная с...*), либо как вводные конструкции, как «деепричастия на службе у модуса» [Шмелева] (*короче говоря, перефразируя Толстого, говоря словами Толстого*). Такие деепричастные конструкции, будучи выражением речевой тактики говорящего, оказываются в непосредственной связи с 1-м лицом (*точнее говоря* = ‘если говорить точнее, то я могу сказать, что...’). Анализ речевых ошибок и «пограничных» примеров показывает, что нередко ошибки обусловлены принадлежностью деепричастного оборота субъектной сфере говорящего, т. е. сфере субъекта модуса. Говорящий использует деепричастие как способ, предъявляя собственную тактику, не назвать себя. Частотность речевых ошибок, обусловленных принадлежностью к сфере 1 лица, позволяет предположить, что появление ошибок с деепричастиями есть одно из следствий эгоцентризма.

Собранный материал можно разделить на следующие типы:

1. Предложения с Я в косвенном падеже при основном предикате: *Вспоминая эти замечательные встречи, мне думается, что они были для меня отличной школой* («Челябинский рабочий», цит. по [Ицкович]). *Приехав в город, меня встретили родные* (цит. по [Русский язык...]).

На формальном уровне согласования с Им.п. нет, что является стандартной ошибкой. Но основная причина «несогласования» не в этом: деепричастие *вспоминая*, образованное от акционального глагола (при котором субъект должен стоять в Им.п.), семантически не соединяется с глаголом *думается*, поскольку он обозначает неконтролируемый мыслительный процесс, и субъект при нем стоит в Дат.п.

Во втором примере деепричастие относится не к субъекту основного предиката, а к объекту, поэтому некорректным будет не только предложение с Вин.п. *меня*, но и с Им.п. (*Приехав в город, я был встречен родными*).

2. Предложения с имплицитным Я: *Глядя на этих велосипедистов, невольно вспоминается известная пословица* («Время», С.Ческидов рассказывает о спорте, цит. по [Лаптева]); *Просмотрев большую часть передачи, возникает довольно грустная мысль* («Добрый вечер, Москва», ведущий, цит. по [Лаптева]).

Особенностью этих предложений является то, что они являются примером действия эгоцентрических механизмов языка: предложения с неодушевленным подлежащим предполагают нуль субъекта модуса (*вспоминается* <мне>; *мысль* <моя>). В данных примерах присутствует субъект мысли и речи, который объединяет части полипредикативного предложения, соединяет финитную и нефинитную глагольные формы.

3. Предложения с Я наблюдателя (деепричастия от глаголов движения): *Не доезжая банка, будет светофор, там и повернете направо*.

Хотя в последней части этого предложения употреблена форма 2 л., потенциальным субъектом движения является субъект обобщенно-личный, в том числе и говорящий: «Не доезжая банка, вы (как и любой другой) увидите светофор...».

Этот тип имеет жанровую прикрепленность (путевые записки, путеводители), он широко представлен и в текстах XVIII–XIX вв., когда норма употребления деепричастий только формировалась: *Проехав наш бывшей окружной городок, открывается довольно пространное поле ...* (А. Н. Радищев. Описание моего владения).

В обеих предикативных частях есть субъект модуса – наблюдатель, который мыслится как потенциально-обобщенный, включающий в свой состав Я говорящего. См. современный пример из Интернет-ресурсов: *Проехав по этой дороге примерно 500 м., будет поворот налево в лес...* = ‘проехав..., увидишь поворот’.

4. Предложения с Я при глаголах речи и мысли: Конструкции последнего типа организуются с помощью глаголов мысли и речи: *излагать, полагать, учитывать, говорить, считать, знать, понимать* и т. п. Они занимают пограничное положение между предлогами (уже сложившимися *судя по, включая /исключая*) и полнозначными деепричастиями: *Где выход из создавшегося положения, учитывая, что руководители обоих государств взяли курс на...* («Время», корреспондент, цит. по [Лаптева]); *Эта работа заставляет думать дальше, или, переводя на язык ВАКа, имеет теоретическую значимость* (на совете, цит. по [Лаптева])

Такие примеры не воспринимаются как аномальные, поскольку деепричастия образованы непосредственно от модусных предикатов и не требуют восстановления модусной рамки для адекватного осмысления конструкции. Подобные примеры принадлежат сфере разговорной речи (публицистической или научной), а значит, деепричастия прочитываются непосредственно в связи с Я говорящего и другими субъектами модуса. Причем если это только Я говорящего, то деепричастие относят к классу вводных конструкций (последний пример), если не только Я, то деепричастие сближается с производными предлогами (*учитывая*).

Литература

Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. М., 1982.

Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М., 1999.

Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.

Шмелева Т.В. Деепричастия на службе у модуса // Системный анализ значимых единиц языка. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984. С. 15-29.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95-113.

К вопросу о соотношении элементов «веерной» и «линейной» моделей простого предложения в современном синтаксисе

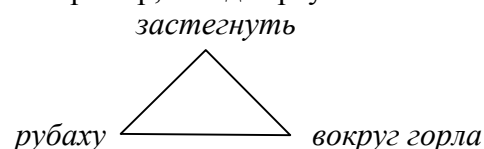
Боряева Лариса Михайловна

Аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена анализу многосторонних синтаксических связей в структуре простого предложения.

В центре внимания оказываются простые предложения, в состав которых входят многочленные словосочетания, синтаксические зависимости внутри которых нельзя представить в виде дерева зависимостей: *застегнуть рубашу вокруг горла* (ср. *застегивать вокруг горла); *аплодировать куплетам на сцене театра* (ср. *аплодировать на сцене театра); *пригласить к себе на праздник; поехать к родственникам в гости*.

Схематично синтаксические связи в таких сочетаниях можно изобразить в виде многогранников. Например, в виде треугольника зависимостей:

(Генезис этого трехчленного словосочетания несводим к цепочечному нанизыванию зависимостей *застегнуть – что? рубаху, которая вокруг горла // застегнуть – что? рубаху + *застегнуть как? вокруг горла).

Подобные примеры позволяют говорить о цельности синтаксического блока второстепенных членов как альтернативе цепочечной структуры: *пригласил к себе на праздник – на свой праздник, поехал к родственникам в гости – гостить у родственников*, ср. в украинском фольклоре: *ой сіділа зозуленька у лісі на краю – на краю леса* [Потебня: 163].

Цепочечная модель в индоевропейских языках по происхождению является более поздней, связанной с развитием элементов гипотаксиса в структуре простого предложения. Используя метафору В.Г. Адмони, можно определить основной вектор эволюции индоевропейского, в частности славянского, предложения как переход от модели «предложение-веер» к модели «предложение-линия» [Адмони: 29]. Веерная модель характеризуется тем, что наблюдается параллелизм форм, выражающих понятия, логически непараллельные (*раздавлен ногами слонами*), тогда как линейная модель предполагает цепочку зависимостей (*раздавлен ногами слонов*).

На любом этапе эволюции славянского предложения, очевидно, невозможно говорить как о полной, сплошной, подлинной его паратактичности, так и об абсолютной гипотактичности – речь идет лишь о разном соотношении паратактических и гипотактических элементов: «чистой» веерной или линейной модели в славянских языках не существует.

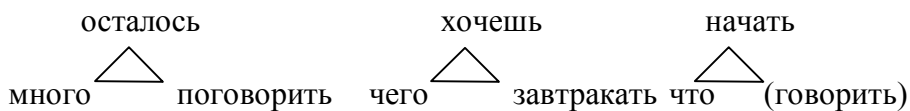
Если в синтаксисе современного языка явление многосторонних зависимостей довольно частотно, то в историческом синтаксисе востребованность таких моделей еще больше, а многосторонний характер связей еще более формализован, что подтверждается анализом памятников: *шинеке привезоша Пльскову въ городъ* (НЛ, СС, 1190, 50) – ‘суда (отнятые у побежденной чуди поморской) привели в Псков, введя за стены городской крепости’. Здесь сочетание *Пльскову въ городъ* является цельным синтаксическим образованием, к каждому из его членов от глагольного предиката задается один и тот же синтаксический вопрос обстоятельства места: *куда?* При этом мы имеем не два разных обстоятельства места, а единый синтаксический блок. На историческом материале мы можем наблюдать совпадение не только синтаксического вопроса, но и морфологической формы зависимых членов, не являющихся однородными: *задавлен слонами ногами* (задавлен ногами слонов), *заложилша стѣну свою треть* (заложили треть своей стены), *на вершину на ту рѣку на Караталь* (на верховье той реки Каратала) [Потебня: 161-165], [Спринчак: 238]. Однако в отличие от представленной в литературе интерпретации этого явления как позднейшей замены согласования управлением, думается, что и в данном случае мы имеем дело с соотношением «веерной» и «линейной» моделей. Графически этот тезис можно представить так:

С этими и подобными случаями не нужно смешивать ни явление синтаксической аттракции под действием не столько стратегии согласования, сколько звуковой аналогии: *на снѣтогорскиххъ чернцехъ дворѣ* – здесь местный падеж на месте родительного объясняется звуковой аналогией с формой имени прилагательного, а не паратактичностью конструкции, в противном случае мы бы имели повтор предлога [Потебня: 161-162], ни

окационального согласования в спонтанной устной речи: *Информация из Соединенных штатах, поздравляю с восьмым мартом, там есть две девицы: одну зовут Аню, другую Вику* [Русакова: 3-10]. Такие двойные зависимости значительно отличаются и от описанных в академических грамматиках «распространяющих членов с двунаправленными отношениями». Например, в предложении, приводимом в «Русской грамматике»: *Ребенок в шубе не может бегать*, неоднозначность синтаксической роли предложно-падежной формы *в шубе* (сочетание определительного и обстоятельственного значений) вызвана семантическим осложнением изначальных простых словосочетаний при их функционировании в составе предикативной единицы [Русская грамматика: 138].

Думается, существование в языке многочленных простых словосочетаний оказало влияние на формирование многих синтаксических структур. Возможно, оно косвенно повлияло и на формирование составного глагольного сказуемого в конструкциях с распространяющим членом: 1) ...мне еще много осталось поговорить... (Гонч.), 2) Чего ты хочешь позавтракать? (Гонч.), 3) ...остановился против Александра... не зная, что начать (Гонч.):

Цепочная, линейная структура предложения – лишь одна из проекций многомерной семантической структуры предложения. Не случайно авторы метода непосредственных составляющих, а позднее трансформационного метода вынуждены были пренебречь семантическим уровнем.

Литература

- Адмони В.Г. Развитие структуры простого предложения в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 1960. №1. С. 22– 31.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3.
- Русакова М.В. Речевая реализация грамматических элементов русского языка. АДД. СПб., 2009.
- Русская грамматика. М., 1980. Т. 2.
- Спринчак А.Я. Очерк русского исторического синтаксиса (Простое предложение). Киев, 1960.

Синтаксические модели выражения стереотипов (на материале русского языка)

Вилинбахова Елена Леонидовна

Аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

В докладе рассматриваются различные синтаксические конструкции как средство выражения стереотипов в русском языке. Под стереотипом понимается стандартное представление о предмете или ситуации, свойственное языковому коллективу в данный период времени. Стереотипы включают описательные и оценочные признаки.

В работах, посвященных выявлению стереотипов, авторы используют синтаксические конструкции в качестве «диагностических» (термин из [Кобозева: 186]), чтобы получить признаки стереотипного, «нормального» денотата. В ходе семантического эксперимента испытуемые дополняют эксплицитно заданный контекст «до «хорошего», «правильного» предложения русского языка» [Там же: 187].

Конструкции можно разделить на три группы: (1) маркирующие соответствие стереотипу; (2) маркирующие противоречие стереотипу; (3) требующие обращения к стереотипу при интерпретации.

К первой группе относятся, во-первых, конструкции, выражающие причинно-следственные отношения, с союзами *потому что, поскольку, поэтому, ведь* (как

причинный союз), как (в позиции перед предикатом) и т. д., а также с деепричастиями *будучи, оставаясь* и др.:

(1) *Вообще, эти два отеля принадлежат одному управляющему, он немец, поэтому там порядок во всем* [Интернет-источники];

(2) *Будучи иностранцем, автор плохо знал русские топонимы* [Корпус].

Во-вторых, это конструкции с союзами «а присоединительным или обобщающим» и синонимичным ему «же присоединения и обобщения», вроде *Он X, а X-ы ... / Он X, X-ы же ...*, где «целью сообщения является <...> первый из сочиняющих элементов – X, а второй по содержанию достаточно тривиален и вводится для обоснования важности элемента X» [Санников: 275]:

(3) *Губернатор – политик, а политики, как всем известно, умеют и должны красиво говорить и обещать* [Интернет-источники].

Вторая группа включает противительные конструкции с союзами *но*, «а в значении несоответствия», когда описывается «ненормальное положение дел, ненормальное сочетание событий, мыслящихся как независимые» [Санников: 268], *однако, да, зато* и др.

(4) *Нина – красивая девушка, но никто ее не любит* [Корпус].

Далее, сюда относятся уступительные конструкции с союзами *хотя, несмотря на (то что)* и т. д.:

(5) *Кильдигс хотя и латыши, но русский знает, как родной* [Корпус].

Наконец, это конструкции с усилительными частицами *даже* и *и то*, «видимо, синонимичной частице *даже* и допускающей согласование второго элемента с существительным X» [Санников:280]:

(6) *Он ушел и никогда больше не встречался с Варенухой, приобретшим всеобщую популярность и любовь за свою невероятную, даже среди театральных администраторов, отзывчивость и вежливость* [Корпус];

(7) *Про зарплату умолчу – дворник и то, <и тот> больше имеет* [Интернет-источники].

К третьей группе относятся конструкции с тождественными словоформами: *X и X, X как X, X так X*, а также псевдотавтологии *X – это X* и *X есть X*, где первая (*X – это X*) – оценочно маркированная (имплицитно положительную оценку), а вторая (*X есть X*) – оценочно нейтральная (по результатам эксперимента в [Кобозева]):

(8) *Был у нас в зоопарке медведь. Ну медведь и медведь* (пример из [Санников: 366]);

(9) *Стала она жить-поживать. Кошка как кошка. Мышей ловит, молоко лакает, на печке дремлет* [Корпус];

(10) *Отец у него еще в гражданскую войну партизанил тут против немцев, задерживаться ему, конечно, нельзя ни минуты, и, представляешь себе, Витька специально заезжает за мной! Вот товарищ так товарищ!* [Корпус];

(11) *Подбили много вражеских самолетов, но война есть война, погибают и асы* [Корпус];

(12) *Вам, одиноким, – одна жизнь. Нам, женатым, – другая. Жена – это жена. Жена – это боль и это великая радость!* [Корпус].

По результатам анализа материала можно заметить, что конструкции из первой и второй групп могут апеллировать как к дескриптивной, статистической норме, т. е. к ситуации, которая имеет место в большинстве случаев («как обычно бывает»), так и к прескриптивной норме («как должно быть»), а некоторые конструкции из третьей группы – либо только к статистической (см. примеры 8, 9), либо только к дескриптивной норме (см. пример 10). Это соответствует разделению стереотипов в работе Е. Бартминьского на образы («такой, какой есть»), и образцы («такой, какой должен быть») [Бартминьский: 168].

Таким образом, синтаксические конструкции способны выражать две разновидности стереотипов – образы и образцы, что может быть использовано при дальнейшем проведении семантических экспериментов.

Литература

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2009.

Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru>

Морфологические особенности текстов Интернет-рекламы

Заруднева Алла Ивановна

Студентка Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия

Необходимость рассмотрения Интернет-рекламы в лингвистическом аспекте обусловлено динамичным развитием Интернет-маркетинга, с одной стороны, и отсутствием системного описания языкового пространства рекламных текстов, размещенных в глобальной сети – с другой.

Цель данной работы заключается в проведении лингвистического анализа текстов Интернет-рекламы на морфологическом уровне, особое внимание уделяется выявлению закономерности употребления именных и глагольных частей речи. Материалом для исследования послужили тексты Интернет-рекламы, представленные на поисковых Интернет-сайтах Google, Yandex, Rambler.

Язык Интернет-рекламы является оригинальным образованием, представляющим собой результат совмещения особенностей языка традиционной рекламы (употребление просторечных, стилистически сниженных слов, нарушение норм лексической валентности, нарушение норм словообразования, употребление окказионализмов [Прохватилова, Степанов и др.]) и языка, функционирующего в Интернете, которому свойственно одновременно протекающее усложнение одних и упрощение других языковых средств по сравнению с аналогичными средствами в литературном языке, не подвергшимся воздействию глобальной сети [Трофимова].

Изучение материала позволило сделать вывод, что языковая специфика текстов Интернет-рекламы обусловлена, главным образом, ее видовой принадлежностью. В настоящее время существует множество видов Интернет-рекламы. В рамках нашего исследования особое значение имеет дифференциация Интернет-рекламы в зависимости от формата представленной информации, так как языковая специфика рекламных текстов, размещенных в глобальной сети, на морфологическом уровне наиболее ярко прослеживается при сопоставлении текстовой и медийной Интернет-рекламы.

В результате исследования было выявлено, что медийная Интернет-реклама, типичными представителями которой являются баннеры и вирусная реклама, отличается разнообразием используемых частей речи. Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала показал, что достаточно высокую представленность имеют тексты Интернет-рекламы с преобладанием именных частей речи (прилагательных, существительных, местоимений, наречий, числительных), например: *«Ваши мечты – наши крылья»*; *«Шторм – проверка деловых партнеров»*.

По нашим наблюдениям, наибольшей частотностью употребления отличаются имена прилагательные, далее следуют существительные и местоимения. Примерно в равных долях употребляются наречия и имена числительные.

Тексты Интернет-рекламы, в которых преобладают императивные глагольные формы, тоже встречаются достаточно часто, например: *«Выбери себе прикольную футболку и получи подарок»*; *«Yandex – купи слова»*.

Наиболее употребительными являются императивные глагольные формы второго лица, единственного и множественного числа. Высокая частотность употребления данных императивных форм объясняется тем, что рекламный текст представляет собой

сообщение, направленное неопределенному лицу, а формы второго лица единственного и множественного числа в контексте рекламного сообщения, выражают семантику обобщенности, неопределенности.

По нашим наблюдениям, частотность употребления именных частей речи и императивных глагольных форм в текстах медийной Интернет-рекламы примерно одинакова, с небольшим преобладанием императива: 41 % составляют тексты с преобладанием именных частей речи, 59 % приходится на тексты с преобладанием императивных глагольных форм второго лица единственного и множественного числа.

В текстовой Интернет-рекламе соотношение *имя / глагол* кардинально отличается, что можно проиллюстрировать на примерах контекстной рекламы и каталогов, где наблюдается полное преобладание именных частей речи, особенно существительных в начальной форме:

1. Контекстная реклама: «*Домашний персонал: домработница, горничная, няни, гувернантки, уборка квартиры...*».

2. Каталоги: «*ELGATO Communications / Днепрпетровск; Сервисные центры; Телекоммуникационное оборудование*».

Исключение составляют пресс-релизы, где императив может встречаться в слогане (однако и эти случаи единичны), например: «*Отдыхайте вместе с ТМ Beeline. Теперь отдых на Средиземном море будет для вас еще более комфортным*».

Следует отметить, что в основном тексте рекламного сообщения такого типа императивные глагольные формы, как правило, отсутствуют.

Таким образом, анализ нашего материала дает основание утверждать, что в рекламных текстах, размещенных в сети Интернет, наблюдается преобладание именных частей речи. Этот факт можно объяснить, с одной стороны, спецификой контекстной рекламы и каталогов, заключающейся в намеренном употреблении большого количества ключевых слов для быстрого нахождения рекламного объявления на поисковых сайтах, а с другой – тем, что большинство рекламных сообщений служат не для прямого воздействия на потребителя, а для привлечения пользователей на сайт рекламной компании, где дается подробное описание товара или услуги.

В этом заключается одно из главных отличий Интернет-рекламы от рекламы печатной, которая направлена, прежде всего, на прямое воздействие на потребителя путем использования императивных глагольных форм.

Литература

Прохватилова О.А., Слестухина Е.В. Экспрессивные средства в рекламных текстах // Секретарское дело. 2001. № 23. С. 24-26.

Степанов Е.В. Особенности языка и стиля рекламы // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. М., 2007. № 24. С. 24-30.

Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. М., 2004.

Функционально-семантические особенности глагола «превратиться» в позиции связки именного сказуемого

Земцовская Ярославна Васильевна

Студентка Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия

Современный подход к структуре именного сказуемого не предполагает жестких границ корпуса связочных глаголов и не ограничивает форму именного компонента творительным или именительным предикативным. Активной тенденцией в развитии предикативных форм признается редукция глагольного сказуемого, в результате которой полнозначный глагол становится подобным связке, а зависимый именной компонент выражает значение не объекта или обстоятельства, а предикативного признака. Процесс преобразования глагола в связку протекает постепенно, поэтому «закономерно, что между знаменательным глаголом и глаголом-связкой нет ясной и четкой границы» [Юрченко:

29]. Переходные случаи вызывают особый интерес, так как неполная грамматикализация глагола-связки позволяет проявлять различные «остаточные значения» [Лекант: 273].

Один из примеров перехода полнозначного глагола в связочный компонент сказуемого мы обнаруживаем в конструкции с глаголом *превратиться*. В традиционной грамматике признать глаголы *превратиться*, *оборотиться* связочными не позволяла непредикативная форма зависимого имени – винительный падеж с предлогом *в/во* (в отличие, например, от «*обернуться кем-либо, чем-либо*»). В современном русском языке глагол *превратиться* активно используется в высказываниях с типовым значением «изменения сущности или признака субъекта». Считаем, что данный глагол может быть отнесен к периферии связочных глаголов, при условии если, во-первых, сказуемое с *превратиться* проявляет значение «обладания признаком», присущее именному сказуемому; во-вторых, глагол утрачивает значение активного действия (процесса) и становится грамматическим и логическим посредником между предметом и его предикативным признаком; в-третьих, глагол *превратиться* формирует отношения «предмет–признак», проявляя типовое связочное значение «изменения признака» и обнаруживая синонимию с фазисными связками *стать*, *становиться*, *делаться*, *сделаться*.

В отличие от нейтральных фазисных связок, глагол *превратиться* активно используется в тех случаях, когда требуется дифференцировать или оценить основной смысл «изменения», заключенный в связках *делаться*, *стать*. Такую связку можно отнести к интерпретационным связкам, способным передавать большой диапазон смысловых оттенков, что обусловлено слабой степенью грамматикализации их значения. Очень сильна в этом глаголе сема «волшебства, чародейства», «метаморфозы», которая может послужить основой для развития и проявления следующих оттеночных значений.

1. Значение необъяснимых изменений предмета в силу каких-либо неизвестных или неподвластных воспринимающему субъекту действий, механизмов, причин: *Из сонной верзилы-второгодницы она на глазах превращалась в очень значительную персону (Л. Улицкая)*. При этом может актуализироваться (в том числе и за счет лексического значения второстепенных членов) оттенок неожиданного для воспринимающего, а иногда и для самого субъекта, изменения: *Вдруг такой знакомый, любимый и самый обычный лес превратился в зону ужаса и отчаяния (Е. Гришкова)*.

2. Достаточно активно используется в художественном тексте значение необратимости изменения сути, свойства или качества предмета: *Прочие избы превратились в кучи угольев, из которых торчали кверху черные стояки закопченных печных труб (Б. Пастернак)*. Отметим, что связка *превратиться* может проявлять и значение временного, обратимого изменения предикативного признака («стать другим на время»).

3. Значение кардинального изменения или изменения сущности предмета в противоположность актуализируется связкой *превратиться* в том случае, если предикативно объединяются субстантивы с антонимическим значением: *Как бы хорошо, если бы богачи мало-помалу превратились в нищих...* (А.П. Чехов); *Мечты превратились в теории – теории превратились в волю и постепенно осуществлялись (А. Платонов)*. Отметим, что значение необратимости или кардинальных изменений часто обнаруживается в научных текстах: *Гусеница превращается в бабочку. Кривая, которая не перестает замыкаться, как бы ни была велика, должна грубо превратиться в бесконечную прямую (Н.И. Лобачевский)*.

4. Связка *превратиться* нередко используется в тех случаях, когда изменение предмета связано с нарастанием степени проявления каких-либо признаков: *Дождь превратился в ливень (М. Веллер)*; *Вскоре шум превратился в грохот (Ю. Визбор)*.

5. В художественном тексте связка *превратиться* может проявлять значение подобия, сравнения. В отличие от собственно сравнения, в таких конструкциях «подобию придается вид тождества» [Арутюнова: 279]. Изменения, происходящие в субъекте,

претендуют на действительные преобразования: *Ели по сторонам дороги превратились в седые плащи и косматые бурки генералов* (В. Катаев); *Я превратился в ребенка, я волновался, я радовался!* (Д. Григорович). В таких конструкциях связка *превратиться* обнаруживает синонимию со связками подобия, сходства: *напомянуть, походить, быть похожим*.

Особенности функционирования глагола *превратиться* показывают, что в некоторых конструкциях он оказывается в «зоне переходности» между позицией сказуемого и позицией связки. Основной фактор, обуславливающий изменение в значении глагола и проявление связочной функции, – это типовое значение предложения. Кроме идеальной связки *быть* и других ядерных «отвлеченных» связок, в языке востребованы глаголы-связки, обнаруживающие оттенки конкретного значения, что позволяет конкретизировать и оценивать такие важные отношения, как отношения «предмет – предикативный признак».

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. М., 1999.

Юрченко В.С. Простое предложение в современном русском языке. Саратов, 1972.

Семантика имени как условие выбора формы творительного падежа в «стихийных» конструкциях: на материале имен класса «предметы вооружения»

Зорин Родион Александрович

Аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Наша работа посвящена выявлению семантических условий выбора формы творительного падежа (тв.п.). Речь пойдет о тв.п. в «стихийных конструкциях» (СК). Под СК понимается безличная конструкция вида *Яблоки побивало ветром* или *Яблоки побивало*. В дальнейшем мы ограничиваемся рассмотрением только трехкомпонентной СК. Форма тв.п. неотделима от такой СК: если в СК реализуется форма тв.п., это фактически значит, что реализуется и вся СК, и наоборот. Тогда вопрос о поиске условий выбора формы тв.п. сводится к определению условий реализации СК.

Нас интересует влияние на реализацию СК семантики имени в тв.п. В работах по СК семантика имени описывается в терминах семантических классов имен: природное явление, вещество и др. [Королькова: 109; Сальников: 288] Среди данных классов – класс предметов вооружения.

Мы рассмотрим, все ли ИГ данного класса гарантируют возможность образования СК, и, если нет, постараемся определить соответствующие ограничения на СК. После этого могут быть сформулированы семантические условия, разрешающие СК. Эта проблема решается на множестве СК, образованных с участием предикатов из группы уничтожения / повреждения объекта [Захарова: 28; Mustajoki, Копотев: 18].

Семантическая структура класса предметов вооружения

1. Снаряды:

1.1. Снаряды, предполагающие воздействие на объект посредством взрыва (*снаряд, бомба, граната, мина, ядро, (ядерная) ракета*);

1.2. Снаряды, обладающие энергией движения и предполагающие воздействие на объект через непосредственный контакт (*пуля, картечь, дробь; стрела, дротик*);

Оружие:

2.1. Огнестрельное оружие (*ружьё, винтовка; автомат, пулемет; миномет, гранатомет*);

2.2. Режуще-колющее оружие (*нож; штык; меч, шашка, сабля; шпага, рапира; копье, пика; гарпун, острога*);

Военная техника:

3.1. Артиллерийская техника: *артиллерия; артсистема, арткомплекс (зенитный комплекс); (орудийная/зенитная) установка, (артиллерийское) орудие; пушка, гаубица;*

3.2. Авиационная техника: *авиация; самолет; бомбардировщик, ракетоносец, истребитель, штурмовик; вертолет; беспилотный летательный аппарат;*

3.3. Бронетехника: *танк; броневик, бронетранспортер, бронемашинa;*

3.4. Военно-морская техника: *флот; корабль; авианосец, миноносец, эсминец; броненосец, крейсер; фрегат; линкор, катер; подлодка.*

Разрешающие и ограничивающие образование СК подклассы

Возможностью образования грамматичной СК обладают имена в (1.1; 1.2; 2.2), ср.: *Дом разрушило бомбой, Солдата скосило пулей, Его ранило ножом противника, Плечо ему пропорол штыком.* Образование грамматичных СК с именами подкласса в (3) ограничено, ср.: *??/*Город разрушило артиллерией* (ср. приемлемость ударом артиллерии), **Прибрежные башни разметало эсминцем* и т.п. С именами из (2.1.) сложнее: часть из них (*ружье, винтовка; автомат*) не допускает не только СК (ср. **Его ранило ружьем*), но, в отличие от имен всех остальных подклассов, также и личную конструкцию (ЛК), ср.: **Его ранило ружье.* Другая часть (*пулемет; миномет, гранатомет*) допускает ЛК (*Наш миномет уничтожил несколько танков противника*), но также не образует СК (**Нашим минометом уничтожило несколько танков противника*). Далее рассматриваются только такие случаи запретов на СК, когда ЛК разрешена, так как именно на фоне грамматичности ЛК наиболее четко проявляются запреты на СК.

Разрешающие и ограничивающие СК семантические характеристики

Каждый тип предметов вооружения характеризуется своим собственным «поведением» в ситуации и способом воздействия на объект:

1. *Бомба, снаряд:* 'Субъект взрывается; воздействие на объект посредством взрыва' (*Дом разнесло бомбой*).

2. *Стрела, пуля:* 'Субъект движется (летит) и приходит в контакт с объектом; воздействие на объект посредством контакта' (*Его ранило стрелой*).

3. *Нож, копье:* оружие или находится в руках у деятеля, наносящего удар (*Точный выпад – и нападавшего сразило шпагой наповал*), или летит (*Его сразило брошенным из зарослей копьем туземца*); и полет, и удар предполагают движение субъекта: при ударе оружие движется вместе с рукой. 'Субъект движется и приходит в контакт с объектом; воздействие на объект посредством контакта'.

4. *Танк, миномет, пулемет:* 'Субъект стреляет; снаряд приходит в контакт с объектом (*пуля*) / взрывается (*бомба*); воздействие на объект посредством контакта / взрыва'.

Запрет в (4) обусловлен компонентом 'субъект стреляет', так как другие компоненты имеются в (1) / (2), где СК разрешена. Ситуации в (2) и (3) могут быть обобщены до единого компонента: это контакт с объектом. В (1) также может предполагаться контакт субъекта (*снаряда*) с объектом (например, при попадании в объект), но возможны также ситуации, когда семантика контакта ослаблена, ср.: *Снарядом разнесло дорожное полотно и половину близстоящих домов* (есть попадание в полотно; нет попадания в дома). Тогда центральное место в ситуации занимает взрыв.

Итоговые условия, разрешающие и ограничивающие реализацию тв.п. в СК:

(I) Если имя принадлежит к классу предметов вооружения и предполагает воздействие на объект посредством а) контакта субъекта с объектом, б) взрыва, оно разрешает образование СК.

(II) Если имя принадлежит к классу предметов вооружения и субъект СК, соответствующий данному имени, производит выстрел, имя запрещает СК.

Литература

Захарова М.В. Личные глаголы в безличном употреблении // *Формы безличности.* Архангельск, 2006. С. 25-38.

Королькова А.В. К лексико-грамматической характеристике безличных форм глагола и их функционирования // Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980. С. 103-117.

Сальников Н. Безличные предложения *крышу сорвало ветром* // Russian linguistics. 1977. Vol. 3. С. 271-292.

Mustajoki A., Кононев М.В. *Лодку унесло ветром*: условия и контексты употребления русской «стихийной» конструкции: http://www.helsinki.fi/~mustajok/pdf/Lodku_uneslo_vetrom.pdf.

Функционирование неопределенно-личных предложений в газетно-публицистических текстах

Иващенко Анна Викторовна

Студентка Мурманского государственного педагогического университета, Мурманск,
Россия

В данной работе рассматриваются неопределенно-личные предложения, извлеченные из текстов «Литературной газеты» и «Комсомольской правды», изданных в 1980 г. и 2008–2009 гг. (далее: ЛГ–80; ЛГ–08,09; КП–80; КП–08, 09). Наша цель заключается в том, чтобы проследить изменения в функционировании данных конструкций и дать им интерпретацию.

Как показали исследования, по сравнению с 1980 годом в настоящее время в текстах газет заметно увеличилась частотность неопределенно-личных предложений. Так, в текстах «ЛГ» количество данных конструкций возросло с 4 % в 1980 г. до 18 % в 2008–2009 гг.; в «КП» частотность неопределенно-личных предложений увеличилась с 17 % в 1980 г. до 22 % в 2008–2009 гг. Возможно, это связано с их грамматическим значением – отношением к неопределенному лицу: повысилась неопределенность высказывания, актуализирующаяся, по нашим данным, в газетной публицистике последних лет.

Данные предложения представляют интерес для исследования особенностей газетно-публицистического стиля: по справедливому замечанию Е.М. Лазуткиной, «одним из способов представления мнения как знания о событии является неупоминание имени производителя действия» [Лазуткина: 51].

Употребление данных конструкций позволяет акцентировать внимание на характере главного члена – глагола, так как, по утверждению П.А. Леканта, «синтаксический субъект не только словесно не выражен, но и не подсказывается глагольной формой. Абсолютная неспособность форм 3-го лица мн. числа и прошедшего времени мн. числа указывать своими окончаниями на единичный, то есть определенный субъект и создает в предложении грамматически неопределенное отношение признака к идее субъекта» [Лекант: 199]. Однако, несмотря на неопределенность производителя действия, указание на него в данных предложениях осуществляется опосредованно, некоторыми второстепенными членами, а также лексическим значением глагола-сказуемого.

Привлекает внимание тот факт, что в рассматриваемых текстах за 1980 г. наиболее частотны неопределенно-личные конструкции, в которых деятель известен говорящему, но в силу различных причин не называется. Например: *На прощание мне дают адрес ее техникума (КП 1980); А здесь уже припасли отличные подарки для своих новых читателей и авторов (КП 1980)*. Косвенным показателем лица в первом предложении является предложно-падежная форма *на прощание*, которая «подсказывает», что субъектом действия является участник диалога; во втором предложении средством конкретизации служит локативное наречие *здесь*.

В текстах указанных изданий за 2008–2009 гг. наблюдаем градацию степени неопределенности субъекта, обусловленную лексическим значением, в том числе лексическим значением локатива. Например: *На Западе устраивают милые представления с участием Девы Марии, младенца Иисуса и мудрецов-волхвов [которые*

принесли ему дары] (КП 2008); **В телевизоре шутят день и ночь на всех каналах** (КП 2009). Такое указание на пространство действия соответствует основной функции газеты – информативной.

В связи с изменением направленности средств массовой информации с их ориентацией на точность излагаемых фактов в указанных материалах случаи употребления неопределенно-личных предложений с субъектом действия, известным говорящему, но не названным, единичны. В нашем материале преобладают неопределенно-личные конструкции, в которых деятель не может быть точно указан говорящим.

Интересно также проследить изменения в «организации поля времени» [Матвеева: 101] неопределенно-личных конструкций в текстах рассматриваемых газет. Если в «ЛГ» за 1980 г. главный член в равной мере представлен формами настоящего и прошедшего времени множественного числа, то в указанном издании за 2008–2009 гг. значительно преобладают формы прошедшего времени множественного числа. Такое использование форм прошедшего времени можно объяснить стремлением авторов газеты представить освещаемое явление как уже свершившийся факт, что, несомненно, способствует объективизации изложения материала.

В «КП» за 1980 г. главный член представлен в основном формами прошедшего времени множественного числа. Иначе в текстах 2008 – 2009 гг.: наиболее употребительными здесь являются формы настоящего времени множественного числа. Переход от преимущественного использования форм прошедшего времени к формам настоящего можно объяснить изменением в направленности газеты. Для «КП» за 1980 г. как для государственного издания было важно создать впечатление достоверности излагаемой информации, чему способствовало широкое употребление форм прошедшего времени. В современной «КП» в связи с коммерциализацией издания и ориентацией на запросы массового читателя на первый план выходит оперативность сообщаемого материала. Поэтому необходимо создать впечатление, что освещаемые журналистом события происходят в самый момент речи, так как, по замечанию Т.В. Матвеевой, «объективное время публицистического текста имеет точкой отсчета текущий момент действительности, историческое «сегодня» [Матвеева: 101].

Отсутствие подобных изменений в «ЛГ» можно объяснить тем, что данное издание, в отличие от «КП», и в настоящее время носит преимущественно аналитический характер.

Необходимо заметить, что в обеих газетах в 2008–2009 гг. частотны неопределенно-личные предложения с главным членом в форме будущего времени множественного числа, тогда как в текстах 1980 г. данные формы почти не использовались. Такое употребление форм будущего времени обусловлено, на наш взгляд, появлением новой функции современной газеты – функции прогнозирования.

Литература

Лазуткина Е.М. Публицистический стиль: новые черты. М., 2008.

Лекант П.А. К вопросу о синтаксическом субъекте // Вопросы филологии. М., 1969. С. 197-204.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.

Графическое изображение аспектуальных значений

и концепция акциональных гнезд

Капицкий Михаил Сергеевич

Студент Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

В русском языке традиционно выделяется категория вида с противопоставлением двух членов (коррелятов): совершенный и несовершенный вид. В связи с большим количеством значений, которые могут быть «упакованы» в тот или иной вид, а также прочими проблемами (видовая коррелятивность, статус двувидовых глаголов, место вида

в грамматике языка и пр.) представляется удобным рассмотреть ситуацию на другом уровне, а именно на уровне *акциональных гнезд* – совокупности глагольных лексем, объединенных общностью лексического значения и различающихся лишь аспектуальными характеристиками.

Нами противопоставляются *акциональный* и *аспектуальный* контуры: акциональный контур – это графическое изображение базовой аспектуальной структуры, предположительно содержащейся во всех производных словоформах и соответствующей аспектуальным характеристикам непроизводной глагольной основы. Аспектуальный контур – это графическое изображение аспектуальной характеристики лексемы во всех деталях ее аспектуального значения.

На основе введенных понятий нами предложены следующая гипотеза: характер соответствия членов аспектуальных гнезд различным аспектуальным контекстам зависит от акционального класса глагольной основы и определяется им же. Выражая то же в терминах графического изображения, аспектуальный контур будет являться модификацией акционального контура (например, выделяя на нем отдельные фазы) в случаях принадлежности словообразующей граммемы исходному классу основы, и будет принципиально отличаться от него в обратном случае.

Для проверки данной гипотезы использована методика графического изображения аспектуальных характеристик глаголов, поскольку графический метод способствует большей наглядности и однозначности интерпретаций, а также позволяет в ряде случаев снять многозначность терминов. Этот метод, впервые примененный к материалу английского языка [Croft], был далее нами усовершенствован и впервые адаптирован к русскому материалу.

Данная методика была применена к трем глагольным гнездам от глаголов *видеть*, *рисовать* и *гулять*. Анализ материала проводился с использованием как толковых словарей, так и НКРЯ, и, во-первых, привел к формулировке предложенной выше гипотезы, а во-вторых, показал непротиворечивость ее изученному материалу.

Проверка и подтверждение этой гипотезы на более обширном материале позволит с большой точностью предсказывать типы контекстов, сочетающихся с определенными типами глагольных основ. Это позволит по-новому взглянуть на традиционную оппозицию СВ и НСВ.

Литература

[НКРЯ] – Национальный Корпус русского языка: www.ruscorpora.ru

Croft W. A geometric representation of the aspect and casual structure of verbs // <http://www.unm.edu/~wcroft/WACpubs.html> [в печати]

Дискурсивные единицы в то же время и вместе с тем как средство воплощения стилистического приема парадокса

Кашперко Евгения Алексеевна

Студентка Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия

Служебные единицы, как известно, не только связывают слова, словосочетания или предложения, но и выражают отношения между их компонентами. Использование конструкций с синонимичными сочетаниями служебного характера *в то же время* и *вместе с тем* – довольно частое явление в современном русском языке. (1) *История и верно оказалась очень простой, но в то же время и совершенно необычайной* (Ю. Домбровский). (2) *Погрузиться в атмосферу японской жизни очень трудно и вместе с тем очень легко* (В. Овчинников).

Следует отметить, что морфологический статус данных единиц остается до сих пор недостаточно определенным. Их именуют союзами, конкретизаторами, наречиями. Такая неоднозначность объясняется тем, что их особые конструктивные возможности не свойственны «классическим» союзам, а связующая функция не характерна для частиц.

Суть семантики уступительных выражений *в то же время* и *вместе с тем* В.Ю. Апресян характеризует следующим образом: «**В то же время** и **вместе с тем** предполагают, что фрагменты текста, соединяемые изучаемыми единицами (обозначим их Р и Q), представляются говорящим как *дополняющие* друг друга, независимые и равноправные факты. При этом формально Р и Q могут быть абсолютно несовместимыми» [Апресян: 85]. Синонимы *в то же время* и *вместе с тем*, по ее мнению, «выражают два вида оценки: с одной стороны, говорящий оценивает факты как равноправные, с другой стороны, их одновременное существование расценивается как *необычное*» [Апресян: 85]. При этом факты Р и Q – это «разные аспекты или разные свойства *одного и того же* объекта, причем имеют место одновременно» [Апресян: 80]. (3) *Но на этот раз нечто непонятное и вместе с тем явственное мешало ему говорить* (В. Каверин).

Данные теоретические положения позволяют выдвинуть гипотезу о том, что суть семантики исследуемых единиц состоит в выражении **парадоксальности** наблюдаемых говорящим явлений действительности, а следовательно, при изучении данных единиц целесообразно использовать понятие парадокса, поскольку выражаемые в них отношения характеризуются алогичностью и противоречивостью.

Известно, что начало изучению парадокса было положено не в лингвистике и литературоведении, а в математике, где он еще с античных времен находился в центре внимания логиков и философов. Сейчас парадокс определяют как «неожиданное, необычное, странное высказывание, резко расходящееся с общепринятым мнением или даже со здравым смыслом» [Кондаков: 431]. М.В. Ляпон отмечает: «Парадокс есть ментальная потребность языковой личности» [Ляпон: 90]; «Афористическое мышление открывает то, что не лежит на поверхности вещей» [Ляпон: 91]. Она утверждает, что в основе любого парадокса лежат смысловые контрасты.

Определяя парадокс как словесную композицию, исследователь Г.Я. Семен констатирует: «Прием парадокса – это такая алогическая связь двух частей одного высказывания, при которой объединяются противоречивые понятия, опровергаются общепринятые мнения и штампы» [Семен: 83]. Если рассматривать парадокс как стилистический прием, то, по мнению Г.Я. Семен, в нем можно выделить следующие инвариантные черты: 1) алогизм; 2) противоречивость между общепринятым мнением и тем новым, что высказывает писатель; 3) одновременную реализацию отношений контраста и тождества; 4) наличие неожиданной трактовки известного и привычного [Семен: 80-83].

Реализацию этих черт мы проследили на конкретных примерах из разных текстов художественного, научного и публицистического стилей. Выяснилось, что одновременное наличие отношений контраста и тождества наиболее отчетливо прослеживается в тех случаях, когда автор в высказывании использует антонимы: (4) *Зверь выбрал Россию, потому что это особенная страна – она, несчастная, дальше всех от Бога, а **в то же время** всех прочих стран к Нему ближе!* (Б. Акунин); (5) *Далекие и **в то же время** необычайно близкие слова наплывают на него из прошлого, из полузабытого детства* (Б. Лавренев).

Черты неожиданности, характерные для парадокса, могут проявляться в языковой игре, столкновении прямого и переносного значений слова при обыгрывании элементов фразеологизма: (7) *Эти уши принадлежали стенам, и **в то же время** это были мои уши* (В. Войнович).

В высказываниях научного стиля очень часто можно встретить реализацию отношений контраста и тождества, благодаря подчеркнутому использованию антонимов, помещенных в эквивалентные синтаксические позиции: (8) *Цель курса – выработать у студента представление о языке как о постоянно изменяющемся объекте, и **в то же время** объекте стабильном и устойчивом* (Н. Валгина) Часто можно встретить антонимию, проявляющуюся во всем контексте высказывания: (9) *Выстрел, который*

стал причиной ареста, осуждения и казни Жюльена, **в то же время** может служить доводом в пользу его оправдания в моральном плане (История западноевропейской литературы).

Таким образом, проведенные параллели между инвариантными чертами стилистического приема парадокса и содержанием конструкций со служебными единицами *в то же время* и *вместе с тем* позволяют говорить о непосредственном выражении парадоксальности в данных конструкциях, а следовательно, о реализации стилистического приема парадокса в предложениях и сверхфразовых единствах, противопоставленные части которых соединяются с помощью уступительных выражений *в то же время* и *вместе с тем*.

Литература

- Апресян В.Ю. В то же время 2, вместе с тем, при этом 2, при всем том // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук. Ю.Д. Апресяна. М., 2003. С. 85-89.
- Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1995.
- Ляпон М. В. К изучению семантики парадокса // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 90-106.
- Семен Г.Я. Парадокс как стилистический прием // Филологические науки. 1987. № 5. С. 80-83.

Когнитивный анализ бытийных высказываний в речи детей с синдромом Дауна

Ковалева Ольга Николаевна

Аспирантка Российского государственного педагогического университета имени

А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Первые высказывания ребенка тесно связаны с ситуацией [И.Н. Горелов, В.Б. Касевич, А.М. Шахнарович и др.]. Ситуация существует в пространстве и времени. Для того, чтобы ребенок мог строить высказывания, он должен освоить эти отношения. Пространственные отношения – одни из первых типов отношений, которые осваиваются нормально развивающимися детьми. С целью исследования процесса овладения языком детьми с синдромом Дауна было проведено исследование, в котором приняли участие семь детей в возрасте от трех до семи лет. В период с июня 2007 г. по июль 2008 г. было проведено три видеосъемки с перерывом в полгода. В данной статье приводятся результаты анализа данных по трем детям (мальчики) с синдромом Дауна в возрасте от 4 лет 6 мес. до 6 лет.

Внимание будет уделено бытийным высказываниям, выделяемым на основе классификации, разработанной Н.Д. Арутюновой, согласно которой для формирования синтаксических структур русского языка существенными являются четыре типа логико-грамматических отношений: 1) отношения экзистенции, или бытийности; 2) отношения идентификации, или тождества; 3) отношения номинации, или именованности; 4) отношения характеристики, или предикации в узком смысле этого термина [Арутюнова 2007: 18]. Н.Д. Арутюнова выделяет достаточно большое количество семантических типов бытийных предложений, среди них – высказывания о владении, предложения с актуализацией области бытия (время и пространство), высказывания о компонентах внутреннего мира человека и др.

Для анализа высказываний, выражающих бытийные отношения, из общего количества высказываний (во время каждой съемки зафиксировано более 200) были выбраны соответствующие примеры. В таблице приведены количественные данные.

Бытийные высказывания в речи мальчиков с синдромом Дауна:

Видеозапись	Георгий	Олег	Феофан
I	0	14	13
II	14	13	15
III	22	14	11

Во всех записях зафиксировано небольшое количество высказываний, выражающих бытийные отношения, при этом на протяжении всего экспериментального периода (1 год) количество высказываний остается почти неизменным, однако изменяется способ выражения тех или иных отношений. Например, в начале эксперимента для указания местоположения предмета ребенок использовал указательный жест, а в конце – соответствующее дейктическое наречие *там*.

Обращает на себя внимание тот факт, что из всего множества семантических типов бытийных высказываний во время I видеозаписи зафиксированы только те, в которых коммуникативный фокус направлен на область бытования предмета, его местоположение. Например: мама и Олег решили поиграть в мячик, мама спрашивает: «Где твой мячик с собачками?»; Олег показывает на кучу с игрушками. Приведем еще один пример: Феофан ест бутерброд с колбасой в спальне, рядом с ним ходит кошка. Мама спрашивает: «Дашь Пусе колбаски?»; мальчик отвечает *Там колба* ('Там колбаса') и одновременно показывает на кухню.

Особенностью этих высказываний является то, что все они представляют собой ответные реплики на вопрос мамы. Это связано с тем, что мать адекватно оценивает уровень развития ребенка и «провоцирует» те высказывания, которые ему когнитивно доступны [С.Н. Цейтлин, В.В. Казаковская, В.Л. Рыскина и др.]. Появление высказываний, выражающих пространственные отношения, не случайно, так как они когнитивно самые простые.

Во II видеозаписи ситуация несколько меняется. Во-первых, увеличивается количество инициативных высказываний, особенно у Георгия (10 инициативных из 14), что обусловлено когнитивным развитием. Например: Георгий сидит за столом с мамой и рассматривает свои рисунки, выбрал один, показывает его и произносит: *Во здесь дом*. Данный пример является почти классическим высказыванием, выражающим бытийные отношения, так как в нем вербализован предмет бытования (*дом*), область бытования (*здесь*), а показатель существования (*нарисован, есть*) опущен, что характерно для разговорной речи.

Во-вторых, во время II видеозаписи зафиксирован новый семантический тип бытийных высказываний, в которых актуализован предикат наличия. Например, Феофан смотрит на себя на экране видеокамеры. Исследователь спрашивает, кого он видит; мальчик отвечает *Пене // Мама е* ('Феофан. Мама есть'). Появление этого семантического типа бытийных высказываний свидетельствует о том, что теперь коммуникативный фокус направлен не на местоположение, а на сам факт бытования (наличие / отсутствие) предмета, который ребенок непосредственно наблюдает в ситуации здесь и сейчас, – при этом обязательное употребление глагола *есть*.

Новый семантический тип бытийных высказываний был зафиксирован и во время III видеосъемки. В этих высказываниях содержание сфокусировано на времени. Например, мама предлагает Георгию: «Давай почитаем»; мальчик отвечает *Не // потом*. Все высказывания с актуализацией времени являются ответными репликами. Общим для бытийных высказываний, в которых актуализируется время и пространство, является появление оппозиции: *там / здесь / рядом, сейчас / потом*. Это свидетельствует о том, что ребенок осваивает эти отношения в системе. Важно отметить, что ребенок освоил только те пространственные и временные отношения, которые характеризуют наличную ситуацию.

Таким образом, в результате анализа подтверждается высказанная другими исследователями мысль о том, что когнитивно пространственные отношения просты для восприятия [В.Г. Гак, В.Б. Касевич, Дж. Брунер], а следовательно, ребенок овладевает ими раньше других. Анализ речевого и когнитивного развития детей с синдромом Дауна позволил выявить то, что оставалось вне поля зрения других исследователей: когнитивной основой временных отношений являются не непосредственно пространственные, а осознание факта существования предмета, т. е. осуществление акта предикации.

Литература

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 2007.

Присоединение как объект коммуникативного синтаксиса

Колесникова Юлия Сергеевна

Студентка Дальневосточного государственного университета, Владивосток, Россия

Объектом нашего изучения является особый способ организации высказывания, который относится к широкому кругу явлений, получивших название «присоединение». Несмотря на то, что присоединение в основном охарактеризовано [Крючков, Прияткина, Сквородников, Лариохина и др.], не все виды присоединения выявлены. Наш доклад посвящен особому виду присоединения, которое еще недостаточно изучено. За основу нашей работы берем концепцию А.Ф. Прияткиной, которая различает «по крайней мере три вида присоединения»: 1) формально выражаемое лишь интонацией, 2) выражаемое интонацией и другими синтаксическими показателями, 3) синтаксическая конструкция [Прияткина: 203]. Предметом нашего внимания является именно первый тип. Для обозначения этого явления мы используем несколько условное название «чистое присоединение». Это случаи типа: *Я поклялся не говорить ни слова – из любопытства* (Л. Толстой); *Было даже страшно, иногда* (М Горький); *Болельщики «Крыльев» на ближайшей домашней игре будут протестовать – ногами* (Известия, № 104, 16.06.2009).

Цель нашей работы – выявить типы «чистого присоединения» и определить их роль в организации высказывания. Присоединение как синтаксическая организация имеет общую конструктивную основу: оно предполагает высказывание с грамматически оформленными по правилам русского синтаксиса членами предложения. Присоединенный компонент всегда имеет признаки синтаксической несамостоятельности. Вторая особенность: высказывание с присоединением всегда представляет две части: основную (базовую) и добавленную. Основная часть обладает относительной смысловой и интонационной законченностью. Третий признак – сложное АЧ: наличие более чем одной ремы. Итак, присоединение имеет два формальных признака: 1) присоединенный компонент отделен интонационно от базовой части; 2) присоединенный компонент находится после базовой части – в конце высказывания. Однако этими же признаками обладает и парцелляция. Вопрос о соотношении присоединения и парцелляции возник в науке с самого начала изучения обоих явлений, к нему постоянно обращаются и в наше время [Сквородников, Максимов и др.]. Для нашей темы он стоит особенно остро.

Парцелляция, как явление письменной речи, создается знаком препинания, однако, будучи произнесенным, высказывание с парцелляцией сближается с присоединением. Но «именно точка служит сигналом расчленения текста» [Иванчикова: 280]. Другой знак препинания (запятая или тире), передавая соответствующую интонацию, свидетельствует не о парцелляции, а о присоединении, что существенно меняет характер синтаксических отношений в коммуникативном плане. Сравним следующие высказывания:

(1) *Вмешалась полиция, мелкие стычки переросли в масштабную драку – с использованием камней и палок.*

(2) *Вмешалась полиция, мелкие стычки переросли в масштабную драку. С использованием камней и палок.*

Оба высказывания могут произноситься с очень близкой, если не одинаковой, интонацией, однако они различаются коммуникативным заданием. При парцелляции высказывание имеет столько коммуникативных центров, на сколько частей членится высказывание, а при присоединении коммуникативный центр один – в главной части. В случае (1) второй компонент можно трактовать как добавочное суждение. Основная мысль заключена в первой части. В случае (2) парцеллят нельзя трактовать как добавочное суждение, возникшее в процессе речи. Наоборот, цельное высказывание было разделено на две части, потому что две ситуации одинаково важны для говорящего. Именно об этом свидетельствует точка.

Считаем, что парцеллированное высказывание (до расчленения) существовало в сознании говорящего как единое целое. Работы ряда исследователей показали, что, «парцелляция – это явление экспрессивного синтаксиса, особый стилистический прием, существо которого состоит в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки» [Иванчикова: 280]. В высказывании с присоединением, напротив, в сознании говорящего была только базовая часть, а потом к ней «добавилась» присоединенная часть. Поэтому присоединение имеет характер добавочный, незапланированный. Присоединенная часть не обладает такой самостоятельностью (ни коммуникативной, ни семантической), как парцеллят. Рема-1 в присоединительных конструкциях важнее ремы-2, в то время как при парцелляции все ремы одинаково важны.

Отличительное значение имеет, по нашему мнению, и количественный фактор: парцелляция – многокомпонентная структура. Теоретически парцеллятов может быть неограниченное количество, тогда как присоединение – это двучленное образование (база и присоединенный компонент). Будучи способом организации текста, парцелляция в современной речи нередко является доминантной чертой стиля, в то время как присоединение – это не способ организации текста, а способ организации высказывания, «единичный» синтаксический прием, который используется не часто и, как правило, не повторяется в одном тексте. Поэтому текст с парцелляцией характеризуется особым прерывистым ритмом, какого не имеет текст с присоединением.

На основе принимаемого нами различия можно строить описание свойств «чистого» присоединения.

Литература

- Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С. 277-301.
- Лариохина Н.М. О присоединительной синтаксической связи и некоторых способах ее выражения // Ломоносовские чтения. М., 2000. С. 8-14.
- Прияткина А.Ф. К изучению присоединительных конструкций // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток, 2007. С. 201-214.
- Максимов Л.Ю. Присоединение, парцелляция и текст // Русский язык в школе. 1996, № 4. С. 80-91.

К проблеме соотношения вводных слов на –но и модальных частиц

Кузнецова Светлана Михайловна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Класс дискурсивных элементов языка представляет собой сложное, разнородное образование, объединяющее единицы, которые относятся к различным частям речи (прилагательным, частицам, наречиям и др.) Еще В.В. Виноградов отмечал, что «граница между модальными частицами и словами очень неопределенна и подвижна» [Виноградов: 601]. Анализ словарных статей показал, что для большинства дискурсивных слов на –но (*безусловно, конечно, наверно, несомненно* и др.) выделяются два значения. Например:

1. Несомненно, вводн. сл. Конечно, без сомнения. *Он, несомненно, скоро явится.*
2. Несомненно, частица. Выражает уверенное подтверждение. *Он умен? – Несомненно* [Ожегов, Шведова: 404].

Указанные значения семантически тождественны, это доказывается обыкновенной трансформацией: *Он умен? – Несомненно.* → *Он умен? – Он, несомненно, умен.*

Очевидно, что составители словарей относят дискурсивное слово на –но к частицам лишь в том случае, если оно занимает позицию так называемой «второй реплики в диалоге» (термин Н.Д. Арутюновой) [Арутюнова: 661]. Однако разделение между

вводными словами на –но и модальными частицами не может основываться только на формальных критериях. Проблема заключается в том, что одни дискурсивные слова на –но, действительно, способны занимать в предложении как позицию вводного слова, так и позицию реактивной модальной частицы, в то время как другие дискурсивные слова на –но (например, *видно*, *слышно* и др.) не могут выражать реакцию адресата на иницирующую реплику говорящего. Стоит отметить, что ряд модальных частиц типа *заметано*, *решено*, в свою очередь, не могут функционировать в качестве вводного слова.

Проведенное исследование показало, что в языке существует зависимость между семантикой слова, типом модуса, который оно задает, и возможностью данного слова занимать в предложении определенную позицию: парентетическую (вводную), позицию реактивной модальной частицы либо обе позиции.

Например, дискурсивное слово *видно* может функционировать только в качестве вводного (*Видно, придется уехать*); использование *видно* для ответной реплики-предложения невозможно. Данная лексема употребляется в составе предложения-гипотезы (парентетическая позиция) для высказывания предположения, а также в составе вербализованной модусной рамки *Видно, что...* для выражения мнения. Посредством реактивной модальной частицы говорящий также, как правило, высказывает свою точку зрения, соглашается с адресантом или возражает ему. *Видно*, являясь предикатом сильной релятивной семантики, не может употребляться для выражения мнения абсолютно, то есть вне рамочной конструкции с союзом *что*. Таким образом, лексема *видно* не способна функционировать как модальная частица, эквивалентная предложению.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык. М., 2001.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Семантика субстантивной формы среднего рода в контексте функциональной грамматики

Мамечков Степан Геннадьевич

Аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

В структурно-описательной и типологической лингвистике широко распространено мнение, что субстантивная категория рода в русском языке является категорией «формальной», лишенной устойчивой связи с определенной номинативной семантикой [Corbett: 34 и далее]. Однако номинативно незначимой является лишь форма выделенного А.А.Зализняком 4-го («парного») рода у слов типа *сани*, *ворота*. Что касается базисных для данной категории граммем мужского и женского рода, то они, как показывают результаты функционального анализа рода, однозначно соотнесены с прототипической семантикой соответственно мужского и женского биологического пола. Грамматическое значение биологического пола характерно не только для парных по роду одушевленных имен типа *мужчина* – *женщина*, но потенциально и для неодушевленных существительных типа *дуб*, *рябина* (например, в ситуации олицетворения; см. подробнее [Мамечков]).

Открытым остается вопрос о номинативной семантике формы среднего рода. А.М. Пешковский писал о среднем роде так: «Что касается значений родовых категорий вообще, то мы принимаем символическое значение их, т. е. считаем, что они символизируют для нас реальные половые различия, причем категория среднего рода является, конечно, нулевой категорией» [Пешковский: 112]. Английский лингвист-типолог Г. Корбетт, разграничивающий языки с формальной и с семантической родовой системой, также признает форму среднего рода в русском языке асемантической на том основании, что исходя из значения слова невозможно однозначно прогнозировать отнесенность имени к ср.р. [Corbett: 35]. Мысль об отсутствии у формы ср. р.

номинативной семантики была выражена и Я.И. Гином: «В русском языке существительные среднего рода не могут иметь значения пола. Именно на этом основании можно утверждать, что в русском языке, в отличие от немецкого (ср. *das Mädchen* ‘девочка’, *das Weib* ‘женщина, баба; жена’, *das Fräulein* ‘барышня, девица, фрейлейн’), признак пола тесно связан с грамматическим родом» [Гин: 86].

В ряде работ проводится иной подход. Так, Г.И. Панова отмечает, что морфологическое значение словоформ ср. р. заключается в отнесенности денотата к классу неживых объектов (например, *озеро, поле, ремесло, развлечение*) [Панова: 83-84]. Исключение, как пишет Г.И. Панова, составляют слова, называющие сверхъестественные существа, слова со значением детскости, слова с оценочно-эмоциональным значением, субстантиваты-термины и др. (*существо, дитя, чудовище, чудище, страшилище; мазило, чудило, трепло, ничтожество; лицо, светило; животное, млекопитающее, травоядное, насекомое*). «Наличие данных субстантивов не противоречит общей закономерности, в соответствии с которой ср. род является выразителем семы «неживой объект» [Там же: 79].

Охарактеризованные выше подходы не учитывают функционирования слова в поэтическом тексте (фольклор, художественная литература), где мы наблюдаем многочисленные примеры сексуализации формы ср. р. В ситуациях олицетворения, сравнения, параллелизма существительные ср. р. выступают в качестве контекстных замен слов с грамматическими показателями муж. или жен. р., обладающих соответствующей прототипической семантикой определенного биологического пола. Ср. многочисленные примеры «маскулинизации» ср. р. в поэзии В.В. Маяковского: *Солнце! / Отец мой; Металось солнце, / Сумасшедший маляр...; ... Спустилось солнце – суровый вечный арбитр; Я крикнул солнцу: «Дармоед! / Занежен в облаках ты...»*; ср. также название американского фильма «*Красавица и чудовище*» и одноименного мюзикла. Иначе функционируют словоформы существительных ср. р. в контекстах типа *Солнышко – ведрышко, красная девица, ходит по синему полю. / Ходит по небу, а смотрит на землю: / Хочет сменить свою долю. / «Будет, – сказала, – мне синего поля, / хочется мне изумруда!»* (К.Д. Бальмонт. Гимн солнцу); *Скажи-ка, Солнышко, сестрица дорогая, / Скажи-ка, отчего вечернею порой / И ранним утром вновь, над яркою фатой / Краснеешь ты всегда, как девушка земная* (П. Батурлин. Солнце и месяц); ср. [Гин].

Подобные примеры дают основания выдвинуть третью точку зрения: ср. р. не лишен связи с выражением семантики биологического пола, формы ср. р. совмещают семантику ‘муж. пол’ и ‘жен. пол’. Таким образом, можно говорить о наличии у существительных ср. р. (причем не только у слов типа *дитя, божество, существо, млекопитающее, лицо*, но и у неодушевленных существительных) потенциальной возможности маркировать в контексте или мужской, или женский биологический пол. Это делает слова ср. р. своеобразными контекстуальными аналогами существительных общего рода типа *Саша, ябеда*, также обладающих способностью обозначать существо то мужского пола, то женского (*Саша сказал / сказала*). Различия, как показано в докладе, заключаются: 1) в разной степени грамматикализации указанной способности у слов общего и ср. рода и 2) в том, может ли родовая форма имени обозначать лиц определенного биологического пола в стандартной речевой коммуникации (общий род) или же только в специфических речевых ситуациях, например, в поэтической речи (ср. р.).

Литература

Гин Я.И. Поэтика грамматического рода. Петрозаводск, 1992.

Мамечков С.Г. Условия реализации семантического потенциала родовой граммы неодушевленных существительных // Язык. Литература. Культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 2. М., 2006.

Панова Г.И. Современный русский язык. Морфология. Словарь-справочник. Абакан, 2003.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.

Corbett G. G. Gender. Cambridge, 1991.

Изучение соотношения пространственных предлогов и приставок как методическая проблема преподавания русского языка как иностранного в персидскоговорящей аудитории

Моаззен Задах Зейнаб

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,

Москва, Россия; преподаватель университета имени Фирдоуси, Мешхед, Иран

В русском языке глаголы движения, как правило, обозначают перемещение в пространстве, поэтому выражения значений местонахождения и движения связаны между собой. При этом предложные пространственные конструкции выражают статический статус предмета, а глаголы движения выражают его динамику.

В персидском языке, как в русском, существуют предлоги, употребляемые вместе с глаголами для выражения пространственных значений, но отсутствуют глагольные приставки, употребляемые одновременно с предлогами. В самом лексическом значении персидского глагола уже присутствует та сема, которая выражается в русском глаголе с помощью приставок. В то время как в русском языке для выражения пространственного значения корень у глагола остается прежним, а меняется только приставка, в персидском языке для каждого пространственного значения существует отдельный глагол.

Разные способы выражения пространственных значений и движения в этих двух языках порождают известные трудности в процессе преподавания русского языка как иностранного в персидскоговорящей аудитории.

Данные отличия в выражении пространственности и движения в русском и персидском языках можно представить в виде таблицы:

Я <u>выше́л</u> из аудитории.	من از کلاس خارج شدم. Man (личное местоимение) az (предлог) kelās (существительное) xārej šodam (глагол).
Я <u>прише́л</u> в аудиторию.	من به کلاس آمدم. Man (личное местоимение) be (предлог) kelās (существительное) āmadam (глагол).

С точки зрения методики преподавания русского языка как иностранного в персидскоговорящей аудитории можно предложить следующие пути преодоления возникающих трудностей:

1. Во-первых, студентам следует объяснить и показать морфемную структуру русского глагола.

2. Во-вторых, показать семантическую связь приставок и предлогов, выражающих пространственные значения в русском языке. Известно, что русские глагольные приставки грамматически и семантически связаны с предлогами. Приставка в глагольном образовании является сложным и многофункциональным аффиксом, обладающим способностью преобразовывать грамматическую, лексическую и синтаксическую характеристику основы глагола. Такой связи между персидским приставочным глаголом и предлогом не существует.

В персидском языке приставки могут присоединяться к разным частям речи (существительным, прилагательным и глаголам) и менять их значения и иногда с помощью предлогов меняется частиречная принадлежность слова. В персидском языке, в отличие от русского, нет пространственных приставок, а существующие глагольные

приставки лишь меняют грамматическое значение глагола, например, из глагола простого прошедшего времени преобразуют глагол прошедше-длительного времени.

Таким образом, в процессе объяснения персидскоговорящим учащимся способов выражения значений пространственных отношений в русском языке необходимо продемонстрировать принципиальные отличия функционирования предлогов и приставок в русском и персидском языках, объяснить учащимся соотносительную связь между пространственными предлогами и приставками в русском языке.

Опыт семантического анализа глаголов с формантом *раз-...-ся*

Палоши Ильдик

Аспирантка университета имени Этвеша Лоранда, Будапешт, Венгрия

Настоящая работа посвящена рассмотрению семантики глаголов с формантом *раз-...-ся*. Мы попытаемся показать, что, несмотря на формальное единство данной группировки глаголов, с семантической точки зрения она является неоднородной. Нашей целью является выявление отношений между семантикой мотивирующего и мотивированного глаголов.

Формант *раз-...-ся* И.В. Ивлиева называет четырехкомпонентным семантическим модификатором [Ивлиева: 25-28], содержащим следующие семы: 'начало', 'один раз', 'сильно', 'постепенно'. В результате своего анализа, проведенного на примере глаголов звучания, она приходит к такому выводу: «*Раз...ся* вносит значение постепенного нарастания начатого действия и доведения его до высокой степени или чрезмерности» [Ивлиева: 58]. Нам кажется, что в процитированном выше толковании автор стремился к синтезу сем 'начало' и 'постепенно' в значении глаголов с формантом *раз-...-ся*, оставляя без внимания тот факт, что в значении конкретных глаголов данные семы могут отстранять друг друга или же, в зависимости от контекста, одна из сем может отодвигаться на задний план.

В работах других исследователей, касающихся проблематики глаголов с формантом *раз-...-ся*, тоже наблюдается выделение одной из сем: либо семы 'начало' [Авилова: 276-277], либо семы 'постепенно' [Исаченко: 233], [Шелякин: 191], [Зализняк, Шмелев: 93].

Для определения семантики глаголов данной группы мы пользовались методом компонентного анализа. Мы исходили из того, что сема интенсивности является общей для каждого глагола данной группы. Вопрос заключается в следующем: с какой семой сочетается сема интенсивности – с семой 'начало' или с семой 'постепенно'?

В ходе анализа мы разделили глаголы с формантом *раз-...-ся* на три подгруппы:

1) Глаголы, выражающие интенсивность начальной фазы действия, содержат семы 'начало', 'сильно', 'один раз' (*разволноваться, разволниться, развиться, разгневаться, разжечься, разнервничаться, развевется, разрыдаться, раскричаться, расплакаться, рассвистеться, рассмеяться* и т. д. Они могут сочетаться с наречиями, передающими неожиданность проявления действия (*вдруг, сразу, моментально, внезапно, неожиданно*) и с наречиями, указывающие на интенсивность действия (*сильно, громко, ужасно, очень, оглушительно*).

2) Глаголы, обозначающие нарастающее развитие интенсивности действия и достижение его крайней меры, содержат семы 'постепенно', 'сильно', 'один раз' (*разболтаться, разлентиться, разработаться, расплясаться, расторговаться, расфилософствоваться* и т. д. Они могут сочетаться с наречиями, указывающими на процесс нарастания интенсивности действия (*постепенно, незаметно, мало-помалу*), и с наречиями, выражающими увлеченность субъекта действием (*чрезмерно, чересчур, слишком*).

3) Глаголы, способные выражать оба выше проанализированных значения, обладают четырьмя семами 'постепенно', 'начало', 'сильно', 'один раз'. Однако в зависимости от вербального и ситуативного контекстов семы 'постепенно' и 'начало'

могут устранять друг друга. Напр.: *развеселиться, разговориться, размечтаться, разоткровенничаться, распеться, расшуметься, расхвастаться* и т. д.

Результаты компонентного анализа глаголов с формантом *раз-...-ся* позволяют прийти к выводу, что глаголы групп 1 и 2 можно считать морфологическими омонимами, поскольку с формальной точки зрения они обладают одним и тем же формантом, а с точки зрения семантики они различаются. Формант *раз-...-ся* можно считать четырехкомпонентным модификатором только в случае дериватов подгруппы 3. Однако для этих глаголов не характерно значение звучания, на примере которых Ивлиева пришла к процитированному заключению. Это противоречие натолкнуло нас на рассмотрение мотивирующих глаголов с формантом *раз-...-ся* по их отношению к лексическим классам.

Находящиеся в нашем корпусе глаголы относятся к шести лексическим классам:

1. Класс глаголов звучания: *разахаться, разораться, разрыдаться, рассветиться, развизжаться, развопиться, развенеться, раскрипиться* и т. д.

2. Класс глаголов речи: *разболтаться, разговориться, разоткровенничаться, расхвастаться* и т. д.

3. Класс глаголов физического, ментального и эмоционального состояния: *разболеться, расстрадаться, раздуматься, размечтаться, расфилософствоваться, развеселиться, разгневаться, разнервничаться, разъяриться* и т. д.

4. Класс глаголов движения: *разбежаться, развертеться, разъездиться, раскататься, раскачаться* и т. д.

5. Класс глаголов поведения: *разбаловаться, разбуяниться, разважничаться, разлентиться, расшалиться, расхулиганиться* и т. д.

6. Класс глаголов проявления света: *разгореться, разжечься, рассветиться*.

7. Глаголы *раздоиться, разработаться, разыграться, расписаться, расплясаться, расторговаться, расхлопотаться* не входят ни в один из выше перечисленных классов.

Судя по нашему корпусу, в большинстве случаев глаголы звучания, глаголы эмоционального и физического состояния и глаголы движения выражают интенсивное проявление начала действия. В кругу глаголов речи, глаголов ментального состояния и глаголов прочих действий (см. группу 7) нами наблюдалась тенденция к передаче постепенного нарастания интенсивности действия. Вследствие этого есть основания полагать, что в значении мотивированных глаголов с формантом *раз-...-ся* лексическое значение мотивирующего глагола в значительной мере определяет способность семы интенсивности сочетаться с семами 'начало' или 'постепенно'.

Литература

Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.

Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Лекции по аспектологии. Slavistische Beiträge. В. 353. München, 1997.

Ивлиева И.В. Проблемы синтеза русского языка. М., 2003.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. М., 2003.

Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского языка (Теоретические основы). Таллин, 1983.

Синтаксическая организация рекламных слоганов

Панфилова Евгения Владимировна

Соискатель, Татарский государственный гуманитарный университет, Казань, Россия

Одним из основных грамматических категорий синтаксиса как «раздела грамматики, изучающего процессы порождения речи», является предложение. За основу анализа на уровне синтаксиса возьмем предложение, которое рассмотрим по следующим критериям [Медведева: 1]:

1) Типы предложений по структурному составу (по количеству основ в предложении): простое / сложное. Способ объединения простых или сложных

предложений в сложное: сложноподчиненное / сложносочиненное / бессоюзное. Тип подчинения (для сложноподчиненных предложений).

2) Типы предложений по цели высказывания и эмоциональной окраске: типы предложений по цели высказывания: повествовательное / вопросительное / побудительное; типы предложений по эмоциональной окраске: восклицательное / невосклицательное.

3) Семантические типы простых предложений: утвердительное / отрицательное.

4) Структурные типы простых предложений: односоставное / двусоставное; распространенное / нераспространенное; полное / неполное / эллиптическое; членимое / нечленимое.

5) Структурно-семантические типы односоставных простых предложений: глагольные /субстантивные.

6) Осложненность структуры простого предложения: однородными членами; обращением; сравнительным оборотом.

В рекламных слоганах преобладают простые предложения: *Блестящие идеи начинаются с простых вопросов*. Сложные предложения в слоганах менее частотны. Встречаются сложноподчиненные и бессоюзные предложения.

Нередко слоганы строятся по модели придаточных предложений, у которых отсутствует главное. Придаточные определительные используются в основном для описания свойств рекламируемого товара или эффект от его действия: *Для негустых и тонких ресниц, которые могли быть и покрасивее, «Estee Lauder» создала «Individualist»*.

Придаточные условия с семантической точки зрения «соединяют» продукт с потребителями и возможностями удовлетворения их потребностей, придавая тем самым рекламному слогану логичность и предоставляя возможность развернуть рекламную аргументацию в основном рекламном тексте: *Если Вам нужно лучшее, просто доверяйтесь «Миле»*.

Придаточные цели содержат указание на цель или назначение того, о чем говорится в главной части предложения. Семантической особенностью целевых придаточных является то, что они являются рациональным аргументом в пользу того или иного продукта. *Чтобы бороться со старением кожи, «Ланком» создал «Примодиаль»*.

2) Для того, чтобы привлечь / вызвать положительную ответную реакцию у потребителя, широко используются побудительные конструкции. Вопросительные предложения используются, чтобы привлечь внимание потребителя. В слоганах встречаются восклицательные и невосклицательные предложения. Восклицательные конструкции призваны обеспечить слогану эмоциональную приподнятость.

3) По нашим наблюдениям, в слоганах преобладают утвердительные предложения. Отрицательные конструкции избегаются, поскольку отрицание в рекламе может вызвать негативное отношение к самому товару.

4) Среди слоганов, представляющих собой простые предложения, встречаются односоставные и двусоставные. Инфинитивные предложения обозначают потенциальное действие, то есть то, которому суждено осуществиться, которое желательно или нежелательно, возможно или невозможно, необходимо, целесообразно или нецелесообразно. Инфинитивные предложения имеют различные модальные значения: долженствование, необходимость, возможность и невозможность, неизбежность действия: *Устоять невозможно! Верить в красоту!*

5) В формировании номинативных предложений основную роль играет семантическая природа имени. Это должны быть слова, называющие явления и предметы, поддающиеся наглядно-чувственному восприятию. Номинативные предложения имеют и грамматические признаки: эти предложения бывают только утвердительными; номинативные предложения не обладают модальными модификациями; значение предикативности выражается констатирующей интонацией.

Также в слоганах встречаются распространенные / нераспространенные предложения: *Монарх. Мы делаем лучшее доступным; Котофей – обувь для детей.*

Полное / неполное / эллиптическое предложение: неполные («*Whiskas*» – *Потому что кошка вам доверяет*); полное (*Мы всегда с вами!*); эллиптическое («*Айсберг*» – *Прямо по курсу*).

Членимые конструкции содержат подлежащее и сказуемое: *Ariston – мы угадываем желания; «Хлебцы самарские» – сила природы в здоровом зерне.* Нечленимые конструкции: *С удовольствием за рулем (BMW).*

б) Последний выбранный для анализа критерий – осложненность структуры простого предложения.

Если простое предложение осложнено однородными членами, использование однородных сказуемых придает слогану дополнительную экспрессивность, как бы увеличивая «количество действия» в рамках одной конструкции, а с другой – представляет продукт как нечто, способное к разным видам самостоятельной деятельности: *12 устойчивых оттенков, мерцающих и блестящих, моделируют ваши губы и придают им объем.*

В слоганах нередко используется обращение – слово или сочетание слов, называющее адресата речи: *Милые женщины! Мы вас ждем!*

Используются в слоганах также сравнительные обороты: *Ricoh. Трудюлюбивы, как и все японцы.*

Наиболее частотными синтаксическими конструкциями слоганов являются:

1) Простое, повествовательное, невосклицательное, утвердительное, двусоставное, полное, распространенное предложение;

2) Простое, повествовательное, невосклицательное, односоставное (глагольное), полное, распространенное, членимое, утвердительное предложение;

3) Простое, повествовательное, невосклицательное, утвердительное, односоставное (субстантивное), полное, нераспространенное, членимое, в большинстве случаев называющее торговую марку;

4) Сложноподчиненные предложения с отсутствующей главной частью: придаточные определительные, условные, цели.

Литература

Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М., 2004.

Синтаксические дискуссии начала XX века

Позднякова Анна Александровна

Аспирантка Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия

В начале XX века в русской лингвистике ведущей становится формально-грамматическая теория, разрабатываемая Ф.Ф. Фортунатовым и его учениками. Между учеными-фортунатовцами не было единодушия. Широкую известность получила дискуссия между учеными «умеренно-формального» (Д.Н. Ушаков, А.М. Пешковский, Н.Н. Дурново, А.Б. Шапиро) и «ультраформального» (М.Н. Петерсон, А.В. Миртов, С.И. Абакумов, А.Павлович) направления по вопросам синтаксиса. В центре дискуссии оказались следующие проблемы: 1) понятие словосочетания; 2) характер связи слов в словосочетании, 3) понятие предложения.

1. Понятие словосочетания. Ультраформалисты форму словосочетания трактовали исключительно с ее звуковой стороны, как конгломерат форм отдельных слов. Грамматическое значение словосочетания, или «функция словосочетания», «зависит от значения слов, входящих в словосочетание» [Петерсон: 79–80].

По мнению ученых «умеренно-формального» направления, функции словосочетаний у М.Н. Петерсона носят лексический, а не грамматический характер. Они считали, что значение словосочетания заключается в самом способе соединения слов. Формальную принадлежность словосочетания составляют: 1) все формальные принадлежности слов в

их синтаксических значениях, 2) порядок слов, 3) служебные слова, 4) полные бесформенные слова в их синтаксических значениях, 5) интонация и ритм, 6) характер связи между словами (обратимый и необратимый).

2. Характер связи слов в словосочетании. По мнению М.Н. Петерсона, отношения между словами в словосочетании носят обоюдный, взаимонаправленный характер. Он отрицал явление зависимости и вытекающие отсюда понятия согласования, управления и примыкания. Другие представители ультраформального направления признавали отношения зависимости при управлении; в согласовании же видели равноправные отношения слов.

Ученые «умеренно-формального» направления трактовали согласование как подчинительную связь. А.М. Пешковский связывал явление согласования с частеречным значением вступающих в связь слов: «...формы согласования обозначают в данном случае принадлежность признака, выраженного в прилагательном, предмету, выраженному в существительном» [Пешковский 2007а: 399]. Он разработал теорию обратимости / необратимости отношений в словосочетании. При необратимых отношениях слова стоят в отношении зависимости.

3. Понятие предложения. Вслед за Ф.Ф. Фортунатовым представители обоих грамматических направлений квалифицировали предложение как «законченный» тип словосочетания. Расхождения касались вопроса о грамматических признаках законченности предложения.

Ультраформалисты считали время и наклонение глагола словообразовательными категориями, поэтому не относили предикативность к числу грамматических признаков предложения. Единственный формальный показатель предложения – сочетание именительного падежа существительного и согласованного с ним глагола. Все другие сочетания лишались статуса предложения.

Отрицание ультраформалистами предикативности как признака предложения оказалось уязвимым. Если предложение квалифицировать только по наличию спрягаемой глагольной формы, возникает вопрос: в каких отношениях стоит этот внешний признак к внутреннему, почему внутренняя цельность предложения непременно связана с наличием спрягаемого глагола: «Оба признака представляются просто сосуществующими, а не как «обозначаемое» и «обозначающее» [Там же: 387].

В противовес этому ученые «умеренно-формального» направления разработали учение о сказуемости как категории, конституирующей предложение. Ядром категории сказуемости является глагол в личной форме, выражающий значение времени и наклонения. Сказуемость могут выражать также прилагательные в краткой форме, прилагательные и существительные в именительном падеже в сочетании с глагольной связкой.

Выражать предикативность могут также интонация и непрерывность синтаксических связей между словами. Посредством интонационного ударения многие непредикативные слова приобретают предикативное значение: *Вчера? Вчера! Вчера. Белую? Белую!* – они «почти всегда тянутся к настоящему предикату и без него не в силах создать выражение настоящей мысли. Если же они при помощи интонационного фактора и кажутся таким выражением, то только при условии подразумевания при них предиката, который потенциально, в скрытом виде, должен быть везде, где есть отдельная языковая мысль» [Пешковский 1956: 173].

Непрерывность синтаксических связей проявляется в том, что каждый член словосочетания входит посредством звена по меньшей мере в два словосочетания, чем и соединяет их в одно целое: «Отсюда – идея об односторонности всякого синтаксического отношения, о направлении, в котором располагаются эти отношения, – другими словами, о ходе зависимости в «словосочетании» и об отправном пункте этой зависимости, подлежащем, или иногда сказуемом» [Пешковский 2007б: 623–624].

Противоречия, которые наблюдались между различными представителями формально-грамматического направления, не затрагивали основного принципа фортунатовской грамматики – изучать формы языка, а касались отдельных грамматических фактов, и это было неизбежно, так как наука не дает окончательного решения стоящих перед ней вопросов, а представляет подходы к их решению.

Литература

Петерсон М.Н. К вопросу о построении синтаксиса. Ответ моим оппонентам // Родной язык в школе. 1925. № 8. С. 76–84.

Пешковский А.М. Научные достижения русской учебной литературы в области общих вопросов синтаксиса // Пешковский А.М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика. М., 2007а. С. 384–406.

Пешковский А.М. Рецензия на книгу: М.Н. Петерсон «Очерк синтаксиса русского языка» (М., 1923. 129 с.) // Пешковский А.М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика. М., 2007б. С. 620–626.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

**Модусный и диктумный аспекты категории оценочности
(на материале произведений М.Ю. Лермонтова)**

Романова Татьяна Дмитриевна

Студентка Ставропольского государственного университета, Ставрополь, Россия

Деление высказывания на диктум и модус, введенное в научный обиход Ш. Балли, мы рассматриваем на примере одной из частных категорий – категории оценочности, которая имеет формы своей реализации как в диктуме, так и в модусе.

Оценка составляет диктум высказывания, если она передает объективную информацию, является содержанием высказывания об отношении говорящего к сообщаемому факту. Например: *Он хорошо сложен, смугл и черноволос; Вернер был мал ростом*. Оценка в модусе высказывания передает позицию субъекта речи (которая часто не соответствует объективной действительности или мнению субъекта сообщаемого факта). Выделяется два типа модусных оценок: аксиологические и характеризующие.

Аксиологическая оценка «передает отношение говорящего к сообщаемому факту в целом или к одному из компонентов ситуации» [Всеволодова: 309]: *А что за толстая трость – точно у Робинзона Крузоэ!; Какие у неё глаза! прелесть!*

Характеризующие оценки носят более частный характер:

- Количественная оценка: *Он только год в службе; Они здесь только три дня; Вот, матушка, целый год пропустила даром...*;

- Временная оценка: *Он был так ещё невинен душою, что боялся убить её неожиданным известием;*

- Выделение компонента ситуации как главного: *То были большой частью семейства степных помещиков;*

- Выделение события, отношения или компонента ситуации как бы противопоставленных другим возможным: *Я принимаю в вас участие именно потому, что вы никогда не обращали на меня внимания; Танцуя редко, он мог разговаривать только с теми дамами, которые сидели весь вечер у стенки – а с этими-то именно он никогда не знакомился...*;

- Оценка ситуации или её компонента как минимально достаточных: *Печорин бросил любопытный взгляд, стараясь сколько-нибудь по убранству комнат угадать хотя слабый оттенок семейной жизни хозяев;*

- Оценка компонента ситуации как единственного: *Один только кабинет иногда может разоблачить домашние тайны; Одна-единственная картина привлекала взоры; Одни губы его, слишком тонкие и бледные в сравнении с живостью красок, разлитых по щекам, мне бы не понравились;*

- Оценка события, его компонента как одного из наличествующих: *По Вознесенской улице, как обыкновенно, валила толпа народу, и между прочим шёл один молодой чиновник.*

Категория оценки реализуется и в сложном предложении, в зависимости от «точки зрения» распределяясь в диктуме и модусе предложения. Так, для сложноподчинённого предложения типичными являются причинные отношения: *Черты лица его различить было трудно: причиной тому козырёк, воротник и сумерки.* Или временные отношения: *Когда он снял шинель, закиданную снегом, и взойёл в свой кабинет, мы свободно можем пойти за ним и описать его наружность.* Данная информация входит в диктум высказывания.

Рассмотрение смысловых отношений в сложном предложении позволяет увидеть случаи осложнения базового смысла. Например, для временных отношений это «подчёркнутое указание на отсутствие временного интервала между изображаемыми ситуациями или указание на его минимальность» [Шувалова: 51]: *Едва он успел поднять глаза, уж одна оглобля была против его груди, и пар, вылетавший клубами из ноздрей бегуна, обдал ему лицо; машинально он ухватился руками за оглоблю и в тот же миг сильным порывом лошади был отброшен несколько шагов в сторону на тротуар...* Или «подчёркнутое указание на наличие данных временных отношений между изображаемыми ситуациями: их совпадение или несовпадение во времени» [Там же: 51]: *Я перескочу через остальные три акта и подыму свой занавес в ту самую минуту, как опустился занавес Александринского театра.* Здесь передаётся не только сама информация, но и её восприятие субъектом речи, следовательно, такие оценки можно квалифицировать как оценки модуса.

Оценка часто выражается с помощью лексических средств (хотя это и не единственный способ). Для этого используются части речи, для которых оценочность является типичной: не только модальные слова или восклицательные частицы, но и наречия, слова категории состояния, существительные, глаголы. Г.А. Золотова отмечает, что часто это неполнозначительные глаголы: модально-темповые («желательность/нежелательность действия для субъекта проявляется в убыстрённости/замедленности темпа») и оценочно-темповые («темп действия оценивается с точки зрения результативности») [Золотова: 70]: *Наконец он остановился, схватил щипцы и бросился вытаскивать карточку из огня; В это время открылась Польская компания, вся молодёжь спешила определяться в полки.*

Одним из наиболее распространённых лексических средств выражения оценки являются прилагательные, поскольку оценочность заложена в самой категориальной природе данной части речи. Часто в одном высказывании прилагательные диктума предшествуют прилагательным модуса. *Он был небольшого роста, широк в плечах и вообще нескладен; казался сильного сложения, неспособного к чувствительности и раздражению; Картина эта была фантазия, глубокая, мрачная; Глаза, устремлённые вперёд, блистали тем страшным блеском, которым иногда блещут живые глаза сквозь прорези чёрной маски; Его маленькие чёрные глаза, всегда беспокойные, старались проникнуть в ваши мысли.*

Таким образом, оценочность реализуется как в диктуме, так и в модусе и имеет арсенал разноуровневых средств выражения.

Литература

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.

Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Шувалова С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М., 1990.

Особенности функционирования сочетаний «девербатив + существительное в Тв.п. с предлогом с» в русском языке

Смирнова Ольга Игоревна

Соискатель, Владимирский государственный гуманитарный университет, Владимир,
Россия

Исходя из традиционной номинативной концепции словосочетания, введенной в научный обиход В.В. Виноградовым, словосочетание всегда строится по принципу субординации – подчиняющего и подчиненного. Разные аспекты описания подчинительных словосочетаний и связи слов в словосочетании широко представлены в лингвистической литературе 1950-х – начала 1990-х гг. В современном русском языке очень продуктивны сочетания с предлогами, они часто приходят на смену беспредложным или употребляются параллельно с ними. В настоящей работе анализируются подчинительные словосочетания, к которым относим непредикативные сочетания двух и более слов знаменательных частей речи, соединенных на основе подчинительной связи и построенные по модели «существительное + существительное в Тв. п. с предлогом с». Материалом исследования послужили примеры из художественной и публицистической литературы конца XX в. и первого десятилетия XXI в., а также средств массовой информации. Карточка насчитывает более 500 единиц.

Анализ языкового материала показал, что в большинстве случаев (75 % от всех собранных примеров) данная конструкция встречается с главным компонентом, выраженным отглагольным существительным, так называемым девербативом. Несмотря на пристальное внимание лингвистов на протяжении многих десятилетий к проблемам сочетаемости отглагольных существительных с различными частями речи (см., напр., работы Г.А. Золотовой, З.Я. Суханова, А.Н. Печникова, Х.Н. Абуллаева, В.П. Казакова, В.И. Фурашова и мн.др.), остается немало неразрешенных вопросов, суть которых сводится к синкретичному характеру словосочетаний с девербативом, что объясняется рядом причин. Цель настоящего исследования состоит в выявлении, описании и обозначении особенностей функционирования сочетаний «девербатив + суц в Тв.п. с предлогом с» в современном русском языке и нахождении приемов отграничения и разрешения синкретичных отношений.

Отглагольные существительные представляются своего рода пограничным явлением между глаголом и именем, что и порождает интерес к данной словообразовательной группе. По мнению ряда исследователей, синтаксические отношения между компонентами словосочетаний с девербативом всегда многозначны. Эта многозначность обусловлена синкретичной природой отглагольных существительных. С одной стороны, они имеют все признаки существительных (общекатегориальное значение предметности; лексико-грамматические и словоизменительные категории; словообразовательные приметы и особенности; синтаксическая функция). С другой стороны, они сохраняют в своем значении сему действия и нередко заимствуют от глагола его синтаксические потенции. Гибридный характер девербатива обуславливает присутствие в его категориальном значении двух семантических компонентов: предметного (субстантивного) и процессуального (глагольного). Преобладание одной семы над другой обуславливает преобладание одного синтаксического значения над другим. Превалирование предметной семы определяет появление в синтаксическом значении словосочетания атрибутивных отношений [Абуллаев: 5].

Подавляющее большинство собранных нами примеров имеет синкретичные синтаксические отношения. Безусловно, с одной стороны, существительное как именная часть речи требует наличия при себе определения, с другой же стороны, существительное, включающее в свой состав процессуальную сему, может быть распространено дополнением или обстоятельством. Ср. в этой связи следующие словосочетания, взятые из контекстов: *письмо с угрозами, стрижка с челкой, общение с обольщением, знакомство с*

девушками, вылет с возвращением, работа с почтой, работа с текстом, бой с тенью и др.

В настоящей работе будут предложены следующие приемы разграничения данного синкретизма:

1) Формально-вопросный ход. Ср.: атрибутивно-объектные отношения подкрепляются, во-первых, формально задаваемыми вопросами: *письмо с чем?* и *письмо какое?*; *стрижка с чем?* и *стрижка какая?* и т. д. В этой связи необходимо проанализировать каждый конкретный пример, исходя из представленного контекста;

2) Среди факторов разграничения членов предложения наиболее активно может быть использован прием трансформации в словосочетание, построенное по принципу согласования (с главным компонентом существительным), и в словосочетание, построенное на основе управления (со стержневым компонентом глаголом). Ср. в этой связи *поездка в город = городская поездка* и *поехать в город* и трансформации типа *знакомство с девушками = знакомиться с девушками* при невозможности **девическое знакомство*;

3) Фактор отнесенности глагола, от которого образовано стержневое существительное, к определенной лексико-семантической группе (в большинстве своем – к глаголам действия, результатов действия, а также глаголам речи-мысли);

4) Дискурсивно-контекстуальный прием, включающий в свой состав наличие зависимых компонентов у существительного, употребленного с предлогом С, и др. Ср., напр.: *Для уменьшенного, срезанного, подбородка подойдет короткая стрижка с челкой до бровей, проходящая округлой линией по нижней части висков, впереди ушных раковин и спускающаяся низко и округло к затылочной части шеи* (реклама) и нек. др.

Проводимое исследование свидетельствует о том, что при анализе словосочетаний очень важно учитывать совокупность факторов и приемов, необходимых для разграничения синкретичных случаев и явлений. Семантическая и синтаксическая неоднозначность подобных сочетаний свидетельствует о необходимости их дальнейшего подробного исследования.

Литература

Абуллаев Х.Н. Валентные свойства отглагольных существительных в современном русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1987.

Понятие *мир говорящего* и частицы *тут* и *там*

Столярова Вера Владиславовна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Местоименные наречия *тут* и *там*, наряду со *здесь*, *туда*, *сюда*, *оттуда*, *отсюда* традиционно рассматривают в качестве пространственных дейктиков, указывающих на то, находится ли описываемый объект в пространстве говорящего или за его пределами. В лингвистической литературе и словарях описано употребление этих слов не только в функции первичного дейксиса, но также в функции анафоры и текстового дейксиса. Однако далеко не во всех контекстах употребление данных слов связано с первичным или вторичным дейксисом, как, например, в примерах (1) – (7).

Для описания значений *тут* и *там* в подобных контекстах необходимо ввести понятие *мир говорящего*, частично пересекающееся с существующими в лингвистике понятиями *личной сферы говорящего* и *категории «чуждости»*.

Понятие личной сферы говорящего было описано Ю.Д. Апресяном как часть наивной модели мира. К личной сфере он относит говорящего и «все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально; <...> а также все, что находится в момент высказывания в его сознании» [Апресян: 645–646]. Понятием «личная сфера говорящего» пользуется также М.Г. Безяева для определения различий в семантике

тут и *здесь*, понимая под этим термином «совокупность материальных и духовных составляющих, которые говорящий считает для себя жизненно важными» [Безьева: 13].

Мир говорящего, в сравнении с личной сферой, более узкое понятие. Под миром говорящего мы будем понимать ту часть личной сферы говорящего, которая является для него актуальной, то есть те события, которые произошли в недавнем прошлом и имеют особую важность в настоящем.

Например, в (1) говорящий интересуется тем, что произошло с адресатом с момента их последнего разговора, то есть его интересует именно недавнее прошлое (при этом, конечно, степень его «недавности» относительна и определяется моментом последнего общения). Адресат из всех произошедших событий выбирает именно те, которые, по его мнению, должны интересовать говорящего.

(1) *Какие у вас новости? – Брат тут стал активно спортом заниматься.*

Во (2) говорящий сообщает о недавно принятом решении – это тоже новая и важная для слушающих информация, затрагивающая и их интересы.

(2) *Мы тут подумали и решили отказаться от премии.*

Миру говорящего противопоставлена та часть картины мира говорящего, которая описывается с помощью категории «чуждости», введенной А.Б. Пеньковским. Ее сущность состоит в «членении универсума на два мира – «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях «мы – они», «этот – тот», «здесь – там», «близкое – далекое» и мн. др. под.» [Пеньковский: 13]. Частица *там* является специализированным знаком отчуждения и часто маркирует тот факт, что сообщаемое не относится к миру говорящего/слушающего.

Например, в (3) второй говорящий с помощью частицы *там* указывает на то, что действия Саши находятся вне сферы его знания и его интересов:

(3) *И что же Саша хочет предпринять? – Да кто же знает, что он там себе думает.*

В (4), второй говорящий, наоборот, обладает необходимой информацией, но считает, что она не является актуальной для первого говорящего, говоря обыденным языком, его не касается:

(4) *Что с ней случилось? – Да там... неважно, личное.*

Таким образом, частицы *тут* и *там* в (1) – (4) оказываются противопоставлены по значению присутствия/отсутствия сообщаемого в мире говорящего (слушающего). Слово *там* в (5) и (6), на первый взгляд, не вписывается в это противопоставление.

(5) *И куда же Коля хочет поехать? – Не знаю, ну... там... во Францию, там... в Италию.*

(6) *Чем займешься на даче? – Не знаю, ну там на рыбалку пойду.*

Ю.В. Дараган объясняла употребление *там* в подобных контекстах тем, что эта частица обозначает «отсылку к множеству вариантов» [Дараган], среди которых упомянутый – лишь одна из альтернатив. А.Д. Шмелев также анализирует подобные контексты с *там* и приходит к выводу, что *там* является маркером «несущественной детали», показывающим, что выбор детали или способа ее обозначения произволен [Шмелев: 211]. Однако это значение *там* не противоречит значению *там* в (3) – (4): точность сообщаемого для говорящего не важна именно потому, что сообщаемое не относится к сфере его интересов.

Значение *там* в (7) можно интерпретировать как указание на время (*далее, потом*), однако его функцию нельзя ограничивать только временным дейксисом. То, что произойдет *там, потом*, значительно удалено по времени от момента речи и поэтому менее интересует говорящего, для него эта информация пока не актуальна, еще не входит в его мир:

(7) *Как же ты поедешь до деревни? – До города я доеду на поезде, а там – пешком.*

Итак, мы можем сделать вывод, что частицы *тут* и *там* в разных типах контекстов, обладают инвариантным значением указания на наличие или отсутствия обсуждаемых событий в мире говорящего / слушающего, на актуальность или неактуальность сообщаемой информации и, таким образом, являются маркерами прагматической категории мира говорящего (образующей бинарную оппозицию с уже описанной А.Б. Пеньковским категорией «чуждости»).

Литература

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. М., 1995. Т. 2.

Безяева М.Г. О номинативном и коммуникативном в значении слова. На примере русского «тут» // Язык. Культура. Человек (Сборник научных статей к юбилею профессора М.В. Всеволодовой). М., 2008.

Дараган Ю.В. Паразитизм и симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // Труды международной конференции Диалог'23: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Daragan.htm>

Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М., 2004.

Шмелев А.Д. Частица *там* как маркер «несущественной детали» // Язык как материя смысла: Сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой. М., 2007.

**Экспериментальное исследование иконичности
бинарных сочинительных конструкций**

Теряхина Елена Николаевна

Студентка Владимирского государственного гуманитарного университета, Владимир,
Россия

В лингвистике иконичность как одна из универсальных семиотических доминант языкового знака оценивается в свете концепции Ч.С. Пирса, определяющего категорию иконичности как подобие знака изображаемому предмету, «внешне» напоминающее предмет (что проявляется в симметрии означаемого и означающего), либо как характеристику знаков-символов – выражение подобия связи элементов определенной категории.

Иконичность на синтаксическом уровне языка проявляется в распределении информации, основным средством которого является порядок следования элементов, прежде всего слов. «Порядок слов – это способ языковой «упаковки» информации, неразрывно связанный с типом синтаксической структуры, на материальной базе которой он реализуется» [Сигал: 10-11].

М.Б. Бергельсон и А.Е. Кибрик отмечают, что упорядочивание членов сочинительных конструкций основано «на иерархических тезаурусных отношениях», при которых в сочиненном ряду «первая позиция предназначается для более престижного, значимого члена» [Бергельсон, Кибрик: 353].

Иконическим является такое упорядочивание членов сочинительных конструкций, при котором в их последовательности отражается реальная/ирреальная последовательность событий, их взаимозависимость и др. Кроме того, упорядочивание членов сочинительных конструкций обусловлено спецификой познания, когнитивного освоения человеком объективного мира.

В настоящей работе представлены результаты экспериментального исследования иконического закрепления порядка следования компонентов в бинарных сочинительных конструкциях. Экспериментальные данные были получены путем анализа анкет 300 респондентов – жителей города Владимира в возрасте от 17 до 86 лет, родным языком которых является русский. Испытуемым предлагались контексты, содержащие графически выделенные бинарные синтаксические конструкции, в которых цифровым индексом (1 или 2) необходимо было указать порядок следования компонентов.

Анализ проведенного лингвистического эксперимента позволяет нам выделить следующие типы мотивации испытуемых при расположении компонентов бинарных сочинительных конструкций и вместе с тем принципы иконичности в способе «упаковки информации» в данных единицах:

1) **Темпоральный** принцип расположения компонентов в сочиненном ряду, отражающий временную смену событий, например, «Дельцы у биржи днюют и ночуют прямо на ступеньках» (Б. Акунин. «ФМ»); «Живешь себе в разумном, реальном мире, день да ночь – сутки прочь» (Там же);

2) **Причинно-следственный** принцип, обуславливающий расположение сочиненных компонентов в понятийной оппозиции *причина ~ следствие*: «При домашнем воспитании почерк был бы **мягче и небрежнее**, а тут почти каллиграфия» (Б. Акунин. «ФМ»); «Не того (счастья), **настигшего их в середине войны, в эвакуации, длившегося целое десятилетие, ...а последовавшего за ним другого, монашеского и немногословного, без прикосновений, почти на одних только взглядах построенного союза**» (Л. Улицкая. «Казус Кукоцкого»);

3) **Локальный** принцип иконичности, связанный с пространственной упорядоченностью объектов действительности и отражением этого упорядочивания в речи: «Дом номер один по улице Солянке раскинулся чуть не на целый квартал, был он с **несколькими дворами и множеством подъездов**» (Б. Акунин. «Внеклассное чтение»); «Прошлым летом на улицах и площадях Юрьев-Польского появилось около тридцати цветочных клумб» («Молва», №29 (2836), 2009); «Владимирские депутаты рассмотрели вопрос об упразднении нескольких **поселков и деревень**» (Там же);

4) **Иерархический** принцип (принцип приоритетности), обуславливающий расположение компонентов бинарной синтаксической конструкции по степени их субъективной значимости, приоритетности для говорящего: «Павлу Алексеевичу всегда нравилась **острота и бесстрашие мысли его друга**» (Л. Улицкая. «Казус Кукоцкого»); «Стены сплошь увешаны **дипломами и фотографиями...**» (Б. Акунин. «ФМ»);

5) **Динамический** (последовательный) принцип расположения сочиненных компонентов обычно отражает реальную последовательность событий, «которая может передаваться порядком сочиненных глаголов совершенного, а иногда несовершенного вида» [Санников 1989: 76]. Например, «Он **то вздыхал, то морщился**» (Б. Акунин. «ФМ»); «Увидел клопа и так **разозлился** на несчастное насекомое, что даже давить не стал» (Б. Акунин. «Нефритовые четки»);

6) **Историко-культурологический** принцип иконического расположения членов бинарной сочинительной конструкции может быть обусловлен различными типами дискурса: литературным – *Ромео и Джульетта, война и мир, преступление и наказание, отцы и дети, толстый и тонкий*; религиозным – *Адам и Ева, Каин и Авель, Содом и Гоморра*; кинематографическим – *любовь и голуби, закон и порядок*; социально-историческим: *муж и жена, мать и дитя*, а также формульной закрепленностью в речевом этикете: *дамы и господа, друзья и товарищи*.

Анализ полученных в ходе эксперимента данных показывает, что некоторые из исследуемых бинарных сочинительных конструкций имеют закрепленный порядок слов: в конструкциях *сын и дочь, день да ночь, честь и достоинство, добро и зло, страх и риск, дед и прадед, тети и дяди* и др. более чем 80 % испытуемых отмечен однотипный порядок следования компонентов, что позволяет нам сделать вывод об устойчивости структуры данных конструкций и возможности воспроизводиться в речи как готовые единицы с упорядоченными компонентами. Причем упорядочивание членов сочинительной конструкций при порождении речи не является произвольным, а определяется некими условными правилами, действующими с высокой степенью вероятности. Порядок сочиненных компонентов основывается на осмыслении говорящим (испытуемым) предметных отношений и на способности иконически представить его в синтаксической структуре.

Литература

Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1981. Т. 40. № 4. С. 15-29.

Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.

Сигал К.Я. Проблема иконичности в языке (на материале русского синтаксиса). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999.

Морфологические особенности текстов наружной рекламы (на материале рекламы на зданиях и улицах Волгограда)

Фотина Надежда Эдуардовна

Студентка Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия

В данной работе приведены результаты исследования текстов наружной рекламы, касающиеся представленности и соотношения различных частей речи в рекламных текстах. Особое внимание уделено функционированию глагола.

Необходимость рассмотрения наружной рекламы в лингвистическом аспекте обусловлена становлением и развитием наружной рекламы на российском рынке и, как следствие, расширением ее применения в современной рекламной деятельности, с одной стороны, а также отсутствием системного описания специфических языковых средств, характерных для данного вида рекламной коммуникации – с другой.

Цель данной работы состоит в установлении морфологических особенностей текстов наружной рекламы Волгограда. Материалом для исследования послужила наружная реклама, сосредоточенная вокруг социально значимых объектов границы Кировского и Советского районов города в период с февраля по март 2009 года.

Характер и соотношение единиц языка на морфологическом уровне рекламного текста зависит, прежде всего, от выбранного типа рекламоносителя и, соответственно, от его функций и коммуникативных возможностей. Как показал собранный материал, в текстах наружной рекламы наиболее высокую представленность имеют такие части речи, как: имя существительное (70%), имя прилагательное (20%), а также глагол, обычно в формах императива (10%).

Преобладание имен существительных в наружной рекламе объясняется наличием значительной доли таких ее видов, как вывески и указатели, которые на морфологическом уровне априори могут быть представлены только именами существительными (иногда с согласованными определениями). Это связано с особенностями их функционирования в рекламном пространстве города, поскольку они служат не столько для привлечения клиента, сколько для идентификации места.

Кроме того, все языковые средства, характерные для текстов наружной рекламы, непосредственно связаны с ее перцептивной спецификой. В первую очередь это касается минимального времени восприятия рекламного сообщения, что обуславливает необходимость соблюдения принципа простоты при составлении рекламного текста. Единицы любого уровня языка, в том числе и морфологического, в большинстве случаев подчинены данному принципу. Именно этим обуславливается, на наш взгляд, значительное преобладание в наружной рекламе имен существительных, которые, благодаря своей номинативной функции, наиболее полно соответствуют успешной реализации основных коммуникативных задач рекламного текста.

Частотны в анализируемых текстах наружной рекламы и имена прилагательные, так как определения, в том числе образные (*сказочные условия*), помогают сформировать у потенциального потребителя выгодное представление о достоинствах рекламируемого товара или услуг.

Несмотря на то что в количественном отношении глагольные формы в текстах наружной рекламы встречаются не так часто, как формы имен существительных, они, тем

не менее, способны выполнять функцию психологического, эмоционального воздействия на потенциального потребителя.

Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что в текстах наружной рекламы немногочисленные глагольные формы используются в рамках побудительных конструкций. При этом предпочтение, как правило, отдается двум формам: 2-го лица множественного числа и 2-го лица единственного числа.

Более чем в половине случаев значение побуждения к определенному действию выражается через употребление императивной глагольной формы 2-го лица множественного числа (*откройте, покупайте*). Наряду с императивными формами 2-го лица множественного числа для выражения значения побуждения в текстах наружной рекламы используются также формы 2-го лица единственного числа. При этом можно отметить, что высокая частотность именно данных императивных форм (*сделай, открой*) объясняется тем, что рекламные тексты являются, как правило, высказываниями, направленными неопределенному лицу. Особенность же таких высказываний состоит в использовании только императивных форм 2-го лица единственного и множественного лица как доминирующих. Кроме того, анализ материала показал, что в текстах наружной рекламы наблюдаются лишь единичные случаи использования побудительных конструкций «фразовый глагол + инфинитив».

С точки зрения семантики, императивным формам 2-го лица единственного и множественного числа свойственны специфические особенности, которые обусловлены не только общим категориальным значением побуждения, но и контекстом рекламного сообщения. Так, в исследуемых примерах рекламных текстов глагольные формы повелительного наклонения множественного числа выражают семантику соотнесенности побуждения с конкретным целенаправленным действием, напрямую связанным с приобретением рекламного продукта или использованием предлагаемых рекламодателем услуг. В то же время императивные формы единственного числа направлены на субъект, вследствие чего наблюдается опосредованная связь с рекламным продуктом, достигаемая только в условиях определенного контекста. Подобные рекламные сообщения обращены непосредственно к интересам и запросам потребителя, благодаря чему достигается больший эффект в стимулировании потребительской активности.

Наряду с императивными глагольными формами в текстах наружной рекламы нами обнаружены и глагольные формы в изъявительном наклонении (*меняем, печатаем*). Они используются в том случае, когда сообщается об услугах, которые осуществляет рекламодатель. Для выражения подобного значения используется форма настоящего времени 1-го лица множественного числа.

Таким образом, проведенное исследование показало, что степень представленности тех или иных частей речи в текстах наружной рекламы, а также особенности их употребления и функционирования зависят от типа конкретного рекламоносителя и, соответственно, от тех коммуникативных задач, которые преследует рекламодатель.

Соотношение оптативной и вероятностной модальностей модификаций частицы *бы*

Хищенко Мария Алексеевна

Студентка Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия

Решение ряда фундаментальных задач как логики, так и лингвистики порождает проблему выявления основных категорий той и другой науки, и в конечном счете проблему соотношения категорий мышления и языка. Утверждение о том, что языковую модальность нельзя классифицировать с позиции логической модальности, но неправомерно и отрывать ее от модальной логики, справедливо и в отношении категории оптативности. [Алтабаева 2003: 11]

Дейчбейн предложил систему наклонений, состоящую из следующих главных категорий: *Kogitativus*, *Optativus*, *Volentativus*, *Expectativus*. Каждая из этих категорий состоит из 4 подкатегорий, которые обозначаются псевдоматематическими формулами: 1,

0, <1, >1. Эти формулы обозначают соотношение между мыслью и желанием с одной стороны и между реальностью и возможностью с другой. [Есперсен: 368] При рассмотрении системы Дейчбейна с учетом модальной логики можно выделить четыре вида вероятностной модальности, присущие оптативу: возможное – может быть, случайное – может не быть, невозможное – не может быть, необходимое – не может не быть.

Оптативные частицы, контаминирующиеся с *бы*, которые П.А. Лекант называет «особой парадигматикой» *бы*, служат средством семантической интерпретации категориальной семантики желательности, отражая градацию ее многочисленных оттенков. [Алтабаева: 5]. В большинстве оптативных предложений, значение возможности/невозможности желаемого, выражается с помощью интонации. Однако, такие ОЧ как *хоть бы* (в значении именно желания, а не уступки – «по меньшей мере»), *вот бы*, *скорее бы*, *если бы*, *когда бы*, *лишь бы* и *только бы* имеют в своей семантике оценку вероятности исполнения желаемого, соответствующую вероятностным модальностям логики: *хоть бы* и *вот бы* – может быть ($P=0+p$), *если бы* и *когда бы* – не может быть ($P=0$), *лишь бы* и *только бы* – может не быть ($P=1-p$), *скорее бы* – не может не быть ($P=1$).

В данных формулах 0 и 1 представляют первичные наивные оценки вероятности желаемого события. В модальной логике 0 и 1 соответствуют модальностям *невозможно* и *достоверно*. Однако среди вероятностных модальностей выделяют еще один вид – *вероятно*. По аналогии с числовыми значениями модальностей *невозможно* и *достоверно*, присвоим модальности *вероятно* значение 0,5. Данная модальность также может служить точкой референции. В этом случае формулы вероятностных модальностей частиц *только бы* и *вот бы* принимают следующий вид: $P=0,5+p$ и $P=0,5-p$ соответственно. Модальности $P=0,5\pm p$ являются качественными, т. к. отражают оценку вероятности того или иного события в сравнении: «событие X скорее произойдет, чем не произойдет», «событие X скорее не произойдет, чем произойдет».

Для частиц *хоть бы* и *лишь бы* 0,5 не может служить точкой референции из-за специфики их семантики: они разбивают вероятностную шкалу в равном соотношении, т. е. значение $p_{\text{хоть}} = p_{\text{лишь}} = 0,5$.

В оптативных предложениях с использованием ОЧ *вот бы* и *только бы* интонация влияет на значение аддитивной величины p .

Таким образом, вероятностные модальности частиц *вот бы*, *хоть бы*, *лишь бы* и *только бы* могут принимать следующие значения:

вот бы X	есть вероятность, что событие X произойдет	$P=0+p_{\text{вот}}$, $p_{\text{вот}} \in [0; 0,25)$
	вероятность того, что событие X не произойдет, выше	$P=0,5-p_{\text{вот}}$, $p_{\text{вот}} \in [0; 0,25]$
хоть бы X	событие X может произойти	$P=0+p_{\text{хоть}}$, $p_{\text{хоть}}=0,5$
лишь бы X	событие X может не произойти	$P=1-p_{\text{лишь}}$, $p_{\text{лишь}}=0,5$
только бы X	есть вероятность, что событие X не произойдет	$P=1-p_{\text{только}}$, $p_{\text{только}} \in (0; 0,25)$
	вероятность того, что событие X произойдет, выше	$P=0,5+p_{\text{только}}$, $p_{\text{только}} \in (0; 0,25]$

Также оптативные частицы создают свою шкалу градации по степени желательности: *чтоб*, *только бы*, *так бы*, *лишь бы*, *хоть бы*, *(по)скорее бы*, *если бы*, *вот бы*, *как бы*, *хорошо бы*, *пусть бы*, *лучше бы*, *что бы* и т. д. [Алтабаева 2007: 5-6] Желательность события представляет собой комплекс из субъективной оценки полезности события (*вот бы* – «было бы не плохо, если бы X», *хоть бы* – «было бы хорошо, если бы X», *лишь бы* и *только бы* – «необходимо, чтобы X») и интенсивности желания.

Особый интерес представляют ОЧ, обладающие вероятностными модальностями *возможно* и *случайно*, такие как *вот бы*, *хоть бы*, *только бы* и *лишь бы*, т. к. именно в их семантике прослеживается зависимость между вероятностной и оптативной модальностями.

Соотношение субъективной оценки полезности и субъективной оценки вероятности желаемого события обуславливает выбор оптативной частицы, интенсивность желания влияет на градацию желательности и потенциальности в пределах интервалов, определяемых выбранной ОЧ.

В зависимости от выбранной частицы, и от типа выражаемой ей вероятностной модальности с повышением желательности может возрастать либо субъективная оценка вероятности желаемого события, либо доля сомнений, что это событие произойдет. Таким образом, при увеличении оптативной модальности вероятностная модальность может как увеличиваться, так и уменьшаться. Это обусловлено тем, что увеличение интенсивности желания влечет за собой увеличение переменной величины p в формулах $P=0+p$, $P=1-p$ и $P=0,5\pm p$.

В среднем с возрастанием желательности некоего события субъективная оценка вероятности этого события возрастает. Данное заключение соответствует теории, получившей в английском языке название «wishful thinking» или «desirability bias», и заключающейся в том, что наши предпочтения и желания влияют на оценку вероятности событий таким образом, что чем желательнее событие, тем более вероятным оно нам кажется. [Zlatan Krizan, Paul D. Windschitl: 95]

Литература

- Алтабаева Е.В.* Категория оптативности в современном русском языке. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2003.
- Алтабаева Е.В.* Градация желания в оптативных предложениях // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2007. № 7. С. 5-8
- Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
- Krizan Z., Windschitl P.D.* The Influence of Outcome Desirability on Optimism // Psychological Bulletin. 2007. Vol. 133. P. 95–121.